

В. А. КИСЕЛЬ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: kisel@kunstkamera.ru

ORCID 0000-0002-7498-4837

ПОГРЕБАЛЬНОЕ УБРАНСТВО ИЗ КУРГАНА АРЖАН-2: ДЕКОР, ТЕХНОЛОГИИ, АВТОРСТВО*

АННОТАЦИЯ

Курган Аржан-2 (Республика Тыва) представляет собой элитный погребально-поминальный комплекс второй половины VII в. до н. э. Значительное число предметов, обнаруженных в нем, выполнено из золота и украшено в скифском зверином стиле. Стилистический анализ декора позволил выделить три группы изображений, отличающихся специфическими признаками. Исследование показало, что создателями вещей первой группы стали мастера-кочевники, работавшие в самобытной изобразительной манере. Предметы второй группы также выполнены в русле древнекочевнического искусства, но под сильным влиянием иных художественных традиций. Авторы изделий третьей группы — ювелиры, воспитанные на изобразительном творчестве культур Синьцзяна и других районов севера Китая. Изучение аржанских находок привело к заключению, что значительная их часть была сделана непосредственно пе-

ред возведением кургана. Сходство предметов из Аржана-2 с археологическими материалами из других регионов дает возможность предположить, что племенное объединение, создавшее погребально-поминальный комплекс, имело многочисленные связи с культурами Казахстана, Монголии, Тувы и Северного Китая. Однако наиболее тесные — с племенами, населявшими Синьцзян. Очевидно, это племенное объединение сумело организовать литейно-ювелирную мастерскую, обеспечивавшую дорогими изделиями кочевническую знать. В ней трудились как представители кочевого мира, так и оседлых культур. Мастерская могла располагаться при ставке вождя либо в оседлом поселении, подконтрольном кочевникам. Вероятно, именно в ней были освоены и развиты главные черты классического звериного стиля — сложные композиции, декоративность и мотив животного с вывернутым крупом.

Ключевые слова: Тува, курган Аржан-2, скифский звериный стиль, ювелирная мастерская.

* Некоторые положения исследования были опубликованы ранее в виде тезисов [Кисель 2018a].

V. A. KISEL

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya Naberezhnaya, 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: kisel@kunstkamera.ru

ORCID 0000-0002-7498-4837

FUNERAL PARAPHERNALIA FROM KURGAN ARZHAN-2: DECOR, TECHNOLOGIES, AUTHORSHIP

ABSTRACT

The kurgan of Arzhan-2 (Tyva Republic, Russia) is an early burial-ceremony complex of the second half of the 7th century BC. The considerable number of the objects found in this burial place were made of gold and decorated in the Scythian animal style. The analysis of decoration style allows us to divide images in three groups characterized by specific features. While the objects from the first group were made by the nomadic craftsmen working in the original style, the objects from the second group were made according to the ancient nomadic art style inspired by different artistic traditions. The third group is represented by goldsmiths those worked under the strong cultural influences of Xinjiang and other areas of Northern China. The results of our study suggest that most of the Arzhan-2 art objects had been made immediately before the kurgan was constructed. The similarities between the objects from the Arzhan-2

burial complex and archaeological materials from other regions suggest that while tribes' confederation which constructed burial-ceremony complex had cultural relations with Kazakhstan, Mongolia, Tuva and Northern China, it was Xinjiang tribes with those they maintained the closest cultural ties. Obviously, this tribal confederation was able to organize the jewelry-foundry workshops which provided expensive goods for their nobility. We guess that both the craftsmen of nomadic origin and the craftsmen from sedentary settlements worked in this workshop. The workshops could be located in the nomadic tribal chiefs' camps or in the sedentary settlements controlled by the nomads. It can be assumed that such main characteristics of the Scythian classic animal style as complicated composition, characteristic ornamentation and focus on imaging of animals with twisted croup were elaborated in these workshops.

Key words: Tuva, kurgan Arzhan-2, Scythian animal style, jewelry workshop.

ВВЕДЕНИЕ

Курган Аржан-2, расположенный в Пий-Хемском кожууне Республики Тыва, был исследован в 1998–2003 гг. совместной экспедицией Германского археологического института и Государственного Эрмитажа. Он оказался уникальным погребально-поминальным памятником второй половины VII в. до н. э. Обнаруженные в кургане предметы стали ценнейшим источником по культуре и искусству древних кочевни-

ков. Можно утверждать, что аржанские находки позволили по-новому взглянуть на формирование и развитие азиатских кочевых обществ скифского времени.

Большинство изделий из Аржана-2 украшено фигурами животных, которые выдержаны в русле скифского звериного стиля. При этом изображения отличаются друг от друга художественными особенностями. Один из авторов раскопок кургана, К.В. Чугунов, проведя подробный анализ декорированных предме-

тов, разделил их на 4 группы. В одну из них он включил работы с раннескифскими образами казахстанско-центральноазиатского региона, в другую — вещи с фигурами, напоминающими архаическую скифо-сибирскую петроглифику, в третью — изделия с изображениями зверей, украшенными «запятювидными знаками», в четвертую — предметы с орнаментальными мотивами, «которые подчиняют себе образы животных» [Чугунов 2011а: 39–44]. Нельзя сказать, что такое деление получилось удачным. Например, изящные фигуры лошадей и оленя на «царских» головных уборах попали в одну группу со схематичными рыбами с конской сбруи, а стилистически близкие изображения на обруче гривны и стержнях шпилек оказались в разных группах. В связи с этим назрела необходимость провести новый разбор находок Аржана-2 и попытаться объяснить причину их разнородности.

МАТЕРИАЛЫ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОЛЛЕКЦИИ

На наш взгляд, иконографический материал аржанского погребального инвентаря распадается на три комплекса.

1 комплекс составляют фигуры, выполненные в условно «безыскусном» зверином стиле (рис. 1). В него входят кошачьи хищники*, кабаны, архары, джейраны (?), верблюды, причем два последних зверя представлены лишь головами. Этот стиль характеризуется ограниченностью бестиария, немногочисленностью поз составляющих его животных (кошачий хищ-

ник — стоя, лежа или, возможно, полусвернувшись, когда задняя стопа помещена на бедро, кабан — стоя на кончиках копыт или лежа с вытянутыми вперед ногами, архар — стоя на кончиках копыт или лежа с подогнутыми ногами), а также изолированностью фигур. Кроме того, «безыскусные» изображения отличает ряд мелких деталей: у кошачьих хищников — округлая форма глаз и ушей, иногда укороченные пальцы, у травоядных животных — миндалевидная форма глаз. Специфическим признаком служит отсутствие у архаров рифления на рогах (исключение — скульптурка на шиле «царицы»).

Фигуры в «безыскусном» стиле размещаются на бруске гривны, бляшках, обоймах и наконечнике пояса, костыльке-застежке, шиле, ворворках, бутероли, элементах узды [Чугунов и др. 2017: табл. 2, 4, 3, 4, 2, 4, 5, 6, 14, 9, 16, 17, 32, 15, 16, 33, 4, 35, 36, 2, 37, 38, 42, 3, 6, 7, 51, 6, 52, 1, 54, 3, 59, 62, 1, 71, 1, 75, 77, 6, 91, 5, 7, 97, 3, 101, 6, 104, 3, 106, 2, 3, 112, 2, 114, 2, 115, 26, 141, 2, 3, 142, 1–3, 143, 144, 1, 146, 3–7]. «Безыскусные» изображения выполнены в золоте и бронзе и происходят как из «царской» могилы, так и из сопроводительных захоронений (могила 5, 13А, 20, 25, 26, клады 1, 2А).

К комплексу можно было бы отнести подвески — скульптурки птиц на ноже (могила 13А) и пластины в виде рыб с конской сбруи (могила 2), так как они изолированы и схематичны [Чугунов и др. 2017: табл. 90, 1, 108, 1, 116, 1–4, 123, 1, 3]. Однако фигуры птиц очень условны, и отсутствие мелких деталей не позволяет делать обоснованные выводы. Можно только отметить, что им близки плоскостные и объемные орнитоморфные изображения на бронзовом вооружении VII–V вв. до н. э. из Северо-Восточного Китая и Ордоса (нож, ножны) [Salmony 1933: pl. XL, 2; Bunker et al. 2002: cat. 53; Э'эрдосы цинтунци 2006: 91], а также скульптурка на шиле-вкладыше ножа VII–VI вв. до н. э. из Хакасско-Минусинской котловины [Завитухина 1983: кат. 224а]. Правда, в последнем случае голова у птицы повернута назад. Наиболее же точное соответствие обнаруживается на поздней подвеске V — начала IV в. до н. э. из Приобья (Об-

* По мнению Е.В. Переводчиковой, на аржанских вещах представлены в основном львы, а не львицы или пантеры (леопард, ирбис) [Переводчикова 2015: 238]. Действительно, толстая шея и мощный плечевой пояс у некоторых изображений могут указывать на гриву. Предположение подтверждают и обозначенные в нескольких случаях кисточки на хвосте (обруч гривны, ременные бляхи, пронизи) [Чугунов и др. 2017: табл. 36, 3, 39, 7а, 8а, 143, 8–10, 12–17, 146, 3–4]. В то же время на подвеске в виде котла и кинжала «царя», несомненно, выполнены тигры. Они опознаются по пламевидной поперечной штриховке [Чугунов и др. 2017: табл. 8, 9, 40, 63, 1а, б, 78, 7].

ские Плесы 2, могила 17) [Ведянин, Кунгуров 1986: 190, рис. 15, 5].

Что касается изображений рыб, то они неоднородны. Пластина с узды просто примитивна, и вряд ли вообще имеет смысл включать ее в какой-либо комплекс. Украшения же седла (?) выразительны и утонченны, и не исключено, что они являются не образцами «безыскусного» стиля, а их подражаниями.

Ко II комплексу относятся фигуры в «изысканном» зверином стиле (рис. 2). Персонажи комплекса многочисленны. Это кошачьи хищники, олени, архары, джейраны (?), горные козлы, кабаны, лошади, зебу, неопределимые безрогие копытные, верблюды. Они редко представлены изолированно и часто входят в сложные композиции, которые иногда превращаются в «загадочные картинки». Животные выделяются разнообразием поз (кошачий хищник — стоя, лежа с вытянутыми вперед лапами или полусвернувшись*, олень — стоя на кончиках копыт, лежа с подогнутыми или вытянутыми вперед ногами, архар и джейран (?) — лежа с подогнутыми или вытянутыми вперед ногами либо с вывернутым крупом, горный козел — лежа с подогнутыми или вытянутыми вперед ногами, лошади, зебу и верблюды — лежа с подогнутыми ногами, кабан — лежа с вытянутыми вперед ногами). Среди характерных деталей «изысканного» стиля фигурируют: у кошачьих хищников — преимущественно каплевидная форма глаз и ушей, а у травоядных животных — миндалевидная или каплевидная. К тому же рога у архаров имеют рифление (исключение — бляшка из могилы 22).

«Изысканные» изображения размещаются на головных уборах**, гривне, стержнях шпи-

* На одной из пронизей II комплекса кошачий хищник показан с вывернутым крупом. Однако это изображение — результат литейного брака, смещения части формы на 180° [Бронников, Чугунов 2015: 116].

** Навершие в виде стоящего оленя и накладки в форме лежащих лошадей с «царских» головных уборов вырезаны из гладкой золотой пластины. Однако накладки, скорее всего, имитировали выпуклые бляшки, что обозначали напаянные на месте пасти, глаза и ноздри проволоочки. А навершие могло воспроизводить скульптуру, поскольку сделанные отдельно и приклепанные к нему ухо и рога создают впечатление объемной фигуры.

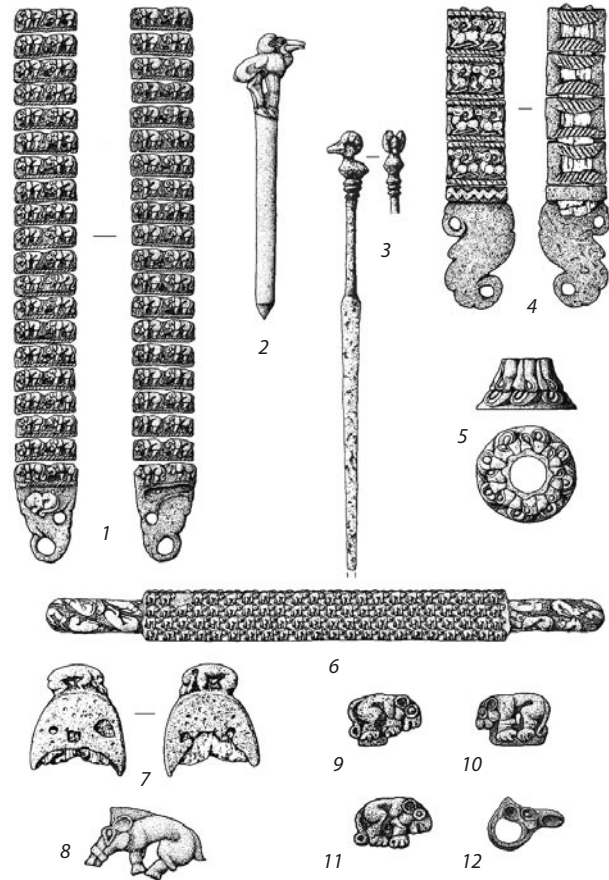


Рис. 1. Основные предметы I комплекса (масштаб разный)***. 1. Обоймы пояса. Бронза. Могила 20 (97, 3); 2. Костылек-застежка. Золото. Могила 5 (32, 16); 3. Шило. Бронза. Могила 5 (62, 1); 4. Наборный пояс. Бронза, кожа. Могила 26 (104, 3); 5. Ворворка. Золото. Могила 5 (32, 15); 6. Гривна. Золото. Могила 5 (3, 16); 7. Бутероль. Бронза, кожа. Могила 25 (101, 6); 8. Бляшка. Золото. Могила 5 (17, 18); 9. Пронизь. Бронза. Клад 1 (143, 1); 10. Обойма. Бронза. Клад 1 (143, 4); 11. Пронизь. Бронза. Клад 1 (143, 12); 12. Пронизь. Бронза. Клад 1 (142, 1)

Fig. 1. The main items of the I complex (scale is different). 1. Belt clips. Bronze. Tomb 20; 2. Barrette. Gold. Tomb 5; 3. Awl. Bronze. Tomb 5; 4. Belt. Bronze, leather. Tomb 26; 5. Conical object. Gold. Tomb 5; 6. Neck hoop. Gold. Tomb 5; 7. Sheath decoration. Bronze, leather. Tomb 25; 8. Plaque. Gold. Tomb 5; 9. Penetrate. Bronze. Treasure 1; 10. Clip. Bronze. Treasure 1; 11. Penetrate. Bronze. Treasure 1; 12. Penetrate. Bronze. Treasure 1

*** Здесь и далее в подрисовочных подписях использованы подписи к иллюстрациям из: [Чугунов и др. 2017], номера таблиц указаны в скобках.

лек, кинжале «царицы», местами на кинжале «царя», луке, ременных обоямах и бляхах, ворворке [Чугунов и др. 2017: табл. 1, 2, 1-3, 3, 4, 1, 3-5, 9, 16-д, 2а-в, 12, 1, 13, 14, 1, 2, 4, 19, 14, 32, 1-12, 33, 1, 5, 35, 36, 3-12, 39, 4-8, 40, 3, 8, 45, 4, 51, 7, 54, 1, 2, 55, 1, 3, 4, 56, 1, 3, 4, 61, 62, 8-10, 73, 1-3, 74, 1а, 2а, 76, 1, 78, 6, 99, 1, 110, 6]. Фигуры комплекса выполнены в золоте и почти все, кроме бляшки из могилы 22, происходят из «царского» погребения.

Большинство «изысканных» изображений сочетается с декоративными элементами, такими как изогнутая капля, волута и «сложный завиток» (фигура в виде изогнутой капли или буквы «S», дополненная закругленными либо заостренными выступами).

Если «безыскусный» стиль представлял собой традиционное древнекочевническое искусство, то «изысканный», совместивший в себе динамику и декоративность, продемонстрировал овладение кочевниками художественных достижений других культур*.

Вероятно, скульптурки горного козла на пяти ременных обоямах «царицы» тоже входят во II комплекс [Чугунов и др. 2017: табл. 62, 3-7, 78, 4, 5]. Но препятствием для их включения является наличие у животных бородок — достаточно редкой детали в искусстве древних кочевников.

III комплекс можно охарактеризовать как «имитационный» звериный стиль (рис. 3). Он состоит из кошачьих хищников, оленей, архаров, джейранов (?), кабанов, неопределимых безро-

* Во II комплекс входят украшения головных уборов с эмалевыми вставками. По мнению Е.В. Переводчиковой, все вещи из Аржана-2 с подобными деталями могли быть изготовлены китайскими мастерами [Переводчикова 2009: 157, Переводчикова 2011: 140]. Однако скорее прав К.В. Чугунов, настаивающий на умении древних кочевников самостоятельно производить различные стеклянные массы [Чугунов 2011а: 56], тем более что варка стекла и вытягивание из него изделий — «лишь заметное изменение обычных приемов обработки цветного металла» [Щапова 1972: 27]. К тому же широкое распространение в древнекочевническом мире стеклянных бус, бисера, подвесок и вставок нельзя объяснить работой только инкультурных стеклоделов.

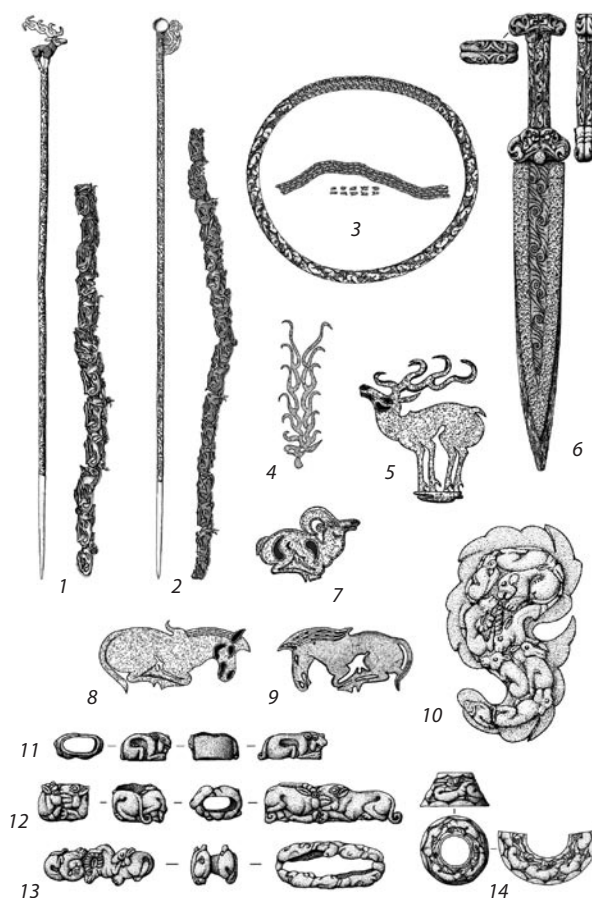


Рис. 2. Основные предметы II комплекса (масштаб разный). 1. Шпилька. Золото. Могила 5 (56, 1, 4); 2. Шпилька. Золото. Могила 5 (55, 1, 4); 3. Гривна. Золото. Могила 5 (3, 1а, 4, 1, 5); 4. Накладка. Золото. Могила 5 (19, 14); 5. Украшение головного убора. Золото, эмаль. Могила 5 (1, 1); 6. Кинжал. Железо, золото. Могила 5 (61, 1); 7. Украшение головного убора. Золото, эмаль. Могила 22 (99, 1); 8. Украшение головного убора. Золото, эмаль. Могила 5 (1, 2); 9. Украшение головного убора. Золото. Могила 5 (34, 1); 10. Бляха. Золото. Могила 5 (14, 1); 11. Обойма. Золото. Могила 5 (13, 1); 12. Обойма. Золото. Могила 5 (13, 5); 13. Обойма. Золото. Могила 5 (12, 1); 14. Ворворка. Золото. Могила 5 (32, 1)

Fig. 2. The main items of the II complex (scale is different). 1. Hairpin. Gold. Tomb 5; 2. Hairpin. Gold. Tomb 5; 3. Neck hoop. Gold. Tomb 5; 4. Cover. Gold. Tomb 5; 5. Headwear decoration. Gold, enamel. Tomb 5; 6. Dagger. Iron, gold. Tomb 5; 7. Headwear decoration. Gold, enamel. Tomb 22; 8. Headwear decoration. Gold, enamel. Tomb 5; 9. Headwear decoration. Gold. Tomb 5; 10. Plaque. Gold. Tomb 5; 11. Clip. Gold. Tomb 5; 12. Clip. Gold. Tomb 5; 13. Clip. Gold. Tomb 5; 14. Conical object. Gold. Tomb 5

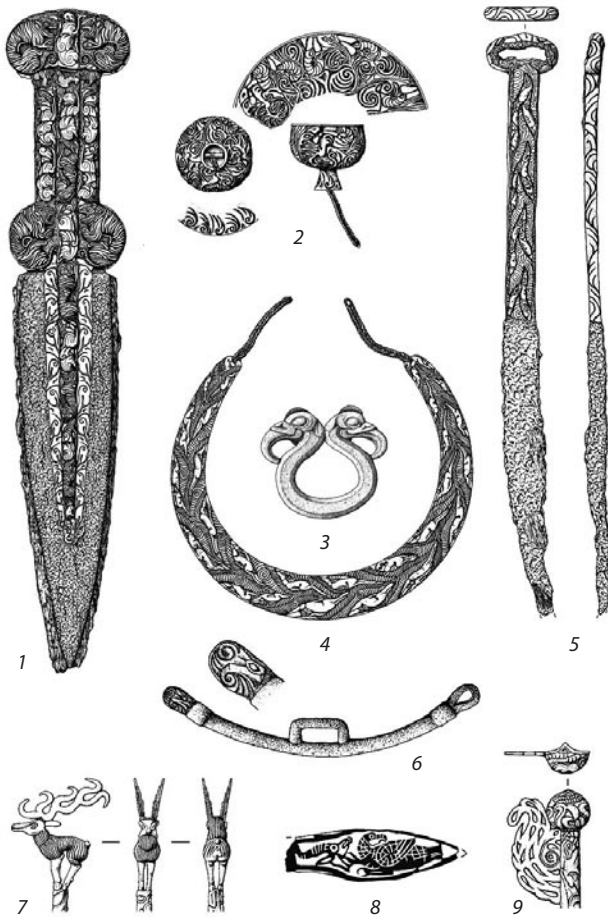


Рис. 3. Основные предметы III комплекса (масштаб разный). 1. Кинжал. Железо, золото. Могила 5 (8); 2. Подвеска. Золото. Могила 5 (63, 1); 3. Подвес портупеи. Золото. Могила 5 (32, 14); 4. Пектораль. Золото. Могила 5 (65, 2); 5. Нож. Железо, золото. Могила 5 (10, 1); 6. Псалий. Бронза. Клад 3 (145, 1); 7. Навершие шпильки. Золото. Могила 5 (56, 2); 8. Наконечник стрелы. Железо, золото. Могила 5 (24, 3); 9. Навершие шпильки. Золото. Могила 5 (55, 2)

Fig. 3. The main items of the III complex (scale is different). 1. The dagger. Iron, gold. Tomb 5; 2. Pendant. Gold. Tomb 5; 3. Pendant of the belt. Gold. Tomb 5; 4. Pectoral. Gold. Tomb 5; 5. Knife. Iron, gold. Tomb 5; 6. Snaffle. Bronze. Treasure 3; 7. Pommel. Gold. Tomb 5; 8. Arrowhead. Iron, gold. Tomb 5; 9. Pommel. Gold. Tomb 5

гих копытных, волка (?), хищных птиц. Фигуры входят в композиции, но имеются и одиночные изображения. Животные представлены в раз-

нообразных позах (кошачий хищник — лежа с вытянутыми вперед или назад лапами либо полусвернувшись, олень — стоя на кончиках копыт, лежа с вытянутыми вперед или назад ногами, архар — лежа с вытянутыми вперед или назад ногами либо с вывернутым крупом, джейран (?) — лежа с подогнутыми, вытянутыми вперед или назад ногами, кабан и волк (?) — лежа с вытянутыми назад ногами и лапами, хищная птица — в профиль, сидя с повернутой назад головой, либо отдельная птичья голова)*. Глаза и уши зверей и птиц, как правило, имеют миндалевидную или каплевидную форму, хотя на кинжале «царя» глаза копытных — это сердцевидные завитки, а на наконечнике стрелы глаза птиц — окружности. Рога у архаров всегда отделаны рифлением.

«Имитационные» изображения размещаются на пекторали, кинжале и одном из ножей «царя», подвесе портупеи, подвеске в виде котла, навершиях шпильки, псалиях, конском налобнике (?), наконечнике стрелы [Чугунов и др. 2017: табл. 8, 9, 1а, 2г-ж, 10, 1, 11, 1, 24, 3, 32, 14, 40, 1, 2, 4-7, 41, 1, 46, 1, 51, 1, 55, 1, 2, 56, 1, 2, 63, 1, 65, 2, 3, 74, 78, 7, 79, 2, 118, 1, 3, 123, 2, 145, 1, 3, 147, 4]. Практически все фигуры комплекса выполнены в золоте и происходят из «царского» погребения. Исключением являются рельефные рисунки на паре бронзовых псалий из клада 3.

Большинство образцов III комплекса отличаются орнаментализмом, то есть стремлением мастера заострить внимание зрителя на декоративных деталях, даже в ущерб смысловому значению изображений. Меньшую часть составляют «реалистичные» фигуры: олень — навершие шпильки, портупейный подвес с головами птиц, конский налобник (?) в виде птицы и наконечник стрелы с птицами, сидящими возле голов джейранов (?). Все животные в «имитационном»

* Фигуры зверей на пекторали из III комплекса, показанные лежа с вытянутыми назад лапами и ногами, могли передавать как момент прыжка, так и позу «стоя на кончиках пальцев или копыт», то есть изображать подвешенную тушу.

стиле выполнены ювелирами, не принадлежавшими древнекочевническому миру.

Кинжал «царя», как было установлено К.В. Чугуновым, украсил торец, воспитанный в китайских художественных традициях. Его выделяет характерный орнамент «в форме изогнутого облака» на ребре клинка [Чугунов 2004: 74; Чугунов 2011а: 55]. На памятниках Китая такие «облачные» узоры встречаются в различных вариантах, начиная с культуры Хуншань (V–III тыс. до н. э.), и бытуют в течение нескольких тысячелетий [Ван Пэн 2018: 20]. Китайское производство кинжала предположил также Р.С. Минасян, тщательно изучивший технику изготовления предмета [Минасян 2014: 98; Минасян 2016: 182].

Пектораль и один из ножей «царя», по-видимому, декорировал представитель скотоводческой культуры Синьцзяна. Судя по археологическим материалам, именно с этой территории происходит множество вещей, орнаментированных аналогичными волнистыми фигурами и завитками [Кисель 2017: 123].

По-видимому, к творчеству мастеров Синьцзяна следует отнести также декор псалиев и подвески в виде котла. Основным элементом, формирующим изображения на предметах, является завиток из нескольких дуг, сходящихся в одной точке и закручивающихся в спираль («трехчастная пламевидная фигура», по К.В. Чугунову). Мотив был издревле и широко известен в Китае [The Warrior Queen... 2013: cat. 6, 13, 27, 46, 68; Ван Пэн 2018: рис. 4, 9–11]. Но в аржанской иконографии он приобрел популярность именно в синьцзянском регионе [Шульга 2010: рис. 15, 9, 29, 13, 38, 4, 5, 50, 26, 72, 3, 73, 8, 11]. Здесь в скифскую эпоху такие завитки украшали не только дорогие престижные вещи, но и обыкновенные бытовые изделия.

Мастера, орнаментировавшие псалии и подвеску в виде котла, стремясь усилить декоративный эффект, даже пожертвовали точностью в передаче древнекочевнических образов. Так, на подвеске у архаров ноги чрезмерно истончены или вообще отсутствуют, а копыта име-

ют ластовидную форму*. На псалиях же клюв птицы вообще стал неузнаваем, превратившись в две спирали. Художественное решение декора подвески, как отметил К.В. Чугунов, заключается в доминировании орнаментальных мотивов над образами животных, что находит близкую параллель в оформлении пекторали [Чугунов 2011а: 44]. Действительно, звери на обоих предметах теряются среди завитков, волнистых линий и спиралей. Кроме того, трактовка фигур кошачьих хищников в обоих случаях сходна. Эти животные в отличие от остальных аржанских «кошек» имеют не округлые, а овальные горбоносые морды. К тому же пальцы у них значительно длиннее. Некоторое сходство изображения подвески-котла находят и в декоре кинжала «царя», где копытные тоже орнаментированы завитками, а кошачьи хищники — изогнутыми треугольниками или «языками пламени». Правда, на кинжале декоративность не избыточна и облик зверей от нее почти не пострадал.

Определить культурную принадлежность автора объемной фигуры оленя на шпильке пока не представляется возможным. Скульптура в целом передает древнекочевнический образ оленя, стоящего на кончиках копыт. Тем не менее она заметно отличается от точного воплощения образа — наверхия головного убора «царя», входящего в комплекс «изысканного» стиля. При их сравнении бросается в глаза, что у оленя на шпильке отсутствует скрытая динамика. Он выглядит статично, поскольку голова смотрит вперед, а не запрокинута на спину. Кроме того, у животного показана полосатая шкура, что редко отмечается в архаической кочевой культуре. Параллелями такой трактовке могут считаться рисунки штрихованных оленей на костяной обойме II тыс. до н. э. из могильника Шансяньцзя в Северо-Западном Китае и бронзовом элемен-

* Продолжение и развитие рисунка на подвеске — модели котла можно усмотреть на бронзовой ворворке V в. до н. э. из Хакасско-Минусинской котловины [Завитухина 1983: кат. 17].

те узды VII–VI вв. до н. э. из этого же региона, а также на петроглифах IX–VIII вв. до н. э. из Хэланькоу (Северо-Западный Китай) и Майэмира (Восточный Казахстан) [Ковалев 2001: рис. 1, 2; Bunker et al. 2002: cat. 29; Tasmagambetov 2003: 308; Варенов 2018: рис. 2, 1, 3].

Но самой яркой чертой, противоречащей правилам изобразительной системы древних кочевников, является обозначение у оленя на шпильке органов половой и выделительной системы (тестикулы, анус)*. Не исключено, что аржанская скульптура отразила влияние художественной традиции племен Северо-Западного Китая и Внутренней Монголии, создававших в первой половине I тыс. до н. э. произведения близкие скифскому звериному стилю, но отмечавших у животных половые органы и стремившихся подчеркнуть половую принадлежность отдельных особей [Andersson 1932: pl. XXVIII, 1, 2, 4–7; Bunker et al. 2002: 170, cat. 155].

Сам принцип оформления стержневидного предмета объемным изображением зверя был широко известен в древнекочевническом мире. Например, в «царский» набор Аржана-2 входят костылек-застежка и шило, увенчанные фигурками архаров в «безыскусном» зверином стиле [Чугунов и др. 2017: табл. 32, 16, 52, 1, 62, 1, 77, 6]**. Ближайшей же аналогией служит роговая шпилька со скульптуркой животного, стоящего на кончиках копыт, из кургана М7 могильника Цюньбакэ-1 VII в. до н. э. в Синьцзяне [Шульга 2010: рис. 29, 28]. К сожалению, у животного от-

сутствует голова, что не позволяет определить степень сходства обеих шпилек.

Не удается также выяснить авторство и ряда предметов с изображениями хищной птицы — портупейного подвеса, конского налобника (?) и наконечника стрелы [Чугунов и др. 2017: табл. 32, 14, 51, 1]. Но можно утверждать, что они не были изготовлены кочевником, так как наблюдаются существенные расхождения с традиционным образом. Например, у птиц на подвесе и налобнике (?) показаны чрезмерно тонкие, длинные клювы и миндалевидные, а не круглые глаза. К тому же пернатые на подвесе имеют еще и четко выделенные ноздри. У птиц на аппликациях наконечника стрелы зачем-то поднято крыло и хвост не сужается на конце, а расширяется. Более того, у них, как и у птицы на налобнике (?), проработано оперение, что для кочевого мира VII в. до н. э. являлось большой редкостью. Не менее показательны «синьцзянские» завитки на крепежных кнопках подвеса, а также техника ажурной резьбы на наконечнике стрелы, чуждая кочевникам (даже на кинжале «царя» золотое покрытие «изысканных» фигур проработано не столь тщательно). Нетипична и сама форма подвеса, контуры которого не дугообразны или трапециевидны [Чугунов 2016: рис. 176, 1, 3–7], а представляют собой очертания широкой капли.

Особый интерес вызывает наличие на многих предметах «имитационного» комплекса «синьцзянского» завитка. Этот орнаментальный мотив значительно усиливает зрительный эффект изделий, вносит скрытую динамику в декор. На вещах из Аржана-2 завиток выполнен двумя способами. В первом варианте — это рельефные фигуры на кнопках подвеса, петлях портупейных обойм, костяной обойме, туловищах архаров на подвеске-котле, голове хищной птицы на псаляях, центральной части волнистых узоров на пекторали и ноже, сердцевине замысловатого выступа на шпильке [Чугунов и др. 2017: табл. 10, 1, 11, 1, 29, 12–17, 32, 14, 41, 1, 52, 3, 6, 55, 1, 2, 63, 1, 65, 2, 74, 1а–в, 78, 7а,б, 79, 2, 91, 9, 106, 4, 145, 1, 3, 147, 4]. Во втором варианте — плос-

* На каменной плите из наземной конструкции Аржана-2 выбит олень, имеющий, по описанию, продолговатое углубление-пенис [Чугунов 2008: 64]. Однако на опубликованной прорисовке пенис отсутствует [Чугунов и др. 2017: рис. 114, 1].

** Возможно, на появление у древних кочевников подобных вещей повлиял Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, где во II тыс. до н. э. бытовали бронзовые шпильки со скульптурками стоящих и лежащих копытных (муфлон, архар (?), олень, лошадь, овца, корова с теленком), а также птиц, хотя в иной, но близкой к «безыскусному» стилю манере [Сарианиди 1977: рис. 43; Аскарлов 1977: табл. XLI, 1, LVI, 5, 6; Аванесова 2011: рис. I, 1–7, II, 1–7, III, 1–7].

костном — мотив представлен на чекане, ноже, наконечниках стрел, клинке кинжала «царицы», на туловищах и головах копытных на кинжале «царя» [Чугунов и др. 2017: табл. 8, 9, 1a, 10, 2, 11, 2, 22, 3–7, 23, 24, 5–12, 27, 40, 1, 2, 4–7, 41, 2, 46, 2–11, 49, 1, 3, 4, 61, 1a, 76, 1a]. Завиток настолько часто встречается, что создается впечатление, будто мастера, творившие в «имитационном» зверином стиле, невольно превратили его в своеобразный производственный знак.

На предметах «безыскусного» и «изысканного» комплексов этот мотив не фиксируется. Напомним, что у «безыскусных» изображений вообще нет орнаментальных элементов, а у «изысканных» — они другие: изогнутая капля (звери на бляшках головных уборов, стержнях шпилек, кошачьи хищники на кинжале «царицы», торцевой стороне рукояти и завершении ребра клинка кинжала «царя»), «сложный завиток» (ременные бляхи «царской» четы, деталь одной из шпилек «царицы») и волюта (копытные на торцевой стороне рукояти кинжала «царя») [Чугунов и др. 2017: табл. 1, 2, 1–3, 9, 1б–д, 2a–в, 13, 8, 14, 1, 33, 1, 5, 39, 7, 8, 40, 8, 54, 1, 2, 55, 1, 2, 4, 56, 1, 4, 61, 1, 62, 9, 10, 73, 1–3, 74, 1, 2a, 76, 1a, 78, 6, 99, 1, 110, 6]. Можно констатировать, что в Аржане-2 отразилась своеобразная художественная иерархия: от гладких фигур I комплекса через сдержанные украшения II комплекса к пышному декору III комплекса.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТОВ

Торевты, создавшие изделия в «имитационном» зверином стиле, вероятно, работали вместе с мастерами-кочевниками, творившими в «изысканном» стиле. Это подтверждают не только образ архара с вывернутым крупом, отсутствующий в «безыскусном» стиле, но и общий для всех комплексов признак травоядных — продольное разделение голов линией от пасти до глаза. Такое могло произойти только в том случае, если мастера разных художественных школ имели возможность тесно общаться и перенимать изобразительные приемы друг у друга. Для этого

лучшим местом являлась литейно-ювелирная мастерская, где одновременно трудились представители кочевых и оседлых культур. Вряд ли такая артель была подобием бродячих бригад Средневековья, работавших на разных заказчиков и по мере своего продвижения часто включавших местных умельцев [Даркевич 1976: 124–128; Щеглова 2006: 100–101]. Скорее, она напоминала стационарные, обычно принудительно укомплектованные ремесленные центры Монгольской империи XIII в.*

В целом механизм организации этнически однородной мастерской походил на ситуацию на Ближнем Востоке, сложившуюся во время скифской экспансии. Тогда скифы для производства престижных вещей привлекли местных ювелиров. Эти мастера, выполняя заказы кочевников, использовали при копировании древнекочевнических образов привычные стилистические приемы и технические навыки, постепенно приближаясь к созданию элитарного звериного стиля [Кисель 2003a: 102–103].

Вещи I и II комплексов, как уже отмечалось, изготавливались мастерами-кочевниками. При этом «безыскусный» стиль выглядит архаичнее «изысканного». Здесь уместно напомнить характеристику, данную Я.А. Шером «аржанско-майэмирскому» и «саглыно-пазырыкскому» искусству: «Чисто визуальное, не связанное с детальным анализом элементов сопоставление изображений... порождает у наблюдателя ин-

* Плано Карпини писал: «В земле Саррацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам». Гильом де Рубрук оставил еще более конкретное свидетельство: «... в Каракаруме живет золотых дел мастер родом из Парижа, по имени Вильгельм... Ману-хан дал названному мастеру триста яскотов, то есть три тысячи марок, и пятьдесят работников для создания какого-то произведения» [Путешествие... 1957: 58, 143]. Показательно описание богатырского меча в монгольской былине «Бум-Эрдэни»: «Дэрбэтский кузнец сорок лет отбивал его на наковальне, китайский кузнец выбил узоры линии, а русский кузнец обделал искусно, непальский же кузнец выбил мелкие узоры, элэтский кузнец дал обделку, а халхаский выбил кружочки» [Монгольско-ойратский... 1923: 63].

туитивное впечатление о различии между ними, суть которого сразу сформулировать трудно. Приблизительно это различие можно было бы выразить, говоря, что первый реалистичный, а второй вычурный и орнаментальный, но все эти слова даже в малой степени не отражают особенностей изобразительной традиции раннего и развитого этапов скифо-сибирского звериного стиля» [Шер 1980: 249]. Точно такое же ощущение возникает при осмотре образцов «безыскусного» и «изысканного» стилей Аржана-2.

Для полноты картины следует обратиться к находкам самого раннего «царского» кургана кочевников — Аржан-1. Изображения, выполненные на этих предметах, тоже разделяются на «безыскусные» и «изысканные». К первым можно отнести бляху в виде пантеры, навершия со скульптурами архаров, объемную фигуру кабана на рукояти кинжала, гравированный рисунок кабана на клыке, скульптурную голову взнузданной лошади [Грязнов 1980: рис. 11, 3–4, 15, 24, 1, 25, 26], то есть практически все те образы, которые вошли в I комплекс Аржана-2. «Изысканную» же группу составляют петроглифы оленей и кабанов на оленем камне [Грязнов 1980: рис. 29, 2]*.

Этот иконографический «дуализм», зародившийся в начале формирования звериного стиля, сохранялся и в дальнейшем. Присутствие двух компонент в изобразительном творчестве

древних кочевников, видимо, имело ту же природу, что и распространенное в мировых культурах явление — сосуществование «народного» и «аристократического» («дворцового») искусства. Первая манера, по мнению специалистов, являлась самобытной и традиционной, а вторая — неорганичной, эклектичной, впитавшей разнообразные инокультурные элементы**.

Внимательное изучение находок из Аржана-2 позволяет заключить, что его создатели воспринимали «безыскусный» и «изысканный» звериный стиль не столько с эстетической точки зрения, сколько с позиций смыслового содержания и статусности. Например, «царские» погребальные костюмы и горит были расшиты бляшками исключительно в «безыскусной» иконографии, на гривне «царя» центральное место (брусок) занимали только «безыскусные» фигуры, а «царские» головные уборы, декорированные в «изысканном» стиле, в лобной части имели бляшку с «безыскусным» кошачьим хищником***. К тому же конское снаряжение было оформлено в «безыскусной» манере, кроме нескольких предметов с «имитационным» декором. Такое размещение изображений I комплекса указывает на их большую значимость для создателей Аржана-2, возможно связанную с исконностью, первичностью «безыскусного» стиля.

* Ранее К.В. Чугунов выделил из собрания Аржана-1 фигуры на оленем камне и указал на их художественное единство с некоторыми образами Аржана-2 [Чугунов 2009: 183–184]. Затем М.Л. Подольский отметил статичную манеру, характерную для изображений Аржана-1, которой не соответствует бляха-пантера с «потенциальной бешеной динамикой» [Подольский 2010: 18, 121–122]. Далее Д.Г. Савинов, исследуя архаичную основу древнекочевнического искусства («нуклеарный звериный стиль»), использовал вещи из Аржана-1 и 2 в качестве примеров, но не оговорил, какие конкретно [Савинов 2017: 41]. При этом исследователь подчеркнул, что «от более поздних произведений звериного стиля их отличает полное отсутствие какого-либо внешнего влияния», «изобразительная „палитра“... достаточно лаконична, больше оперирует контуром, силуэтом, чем дополнительными деталями изображений», а среди травоядных персонажей преобладают не олени, а горные козлы и бараны [Савинов 2017: 33, 43].

** Сочетание стилистически неоднородных вещей зафиксировано во многих элитных курганах кочевников [Руденко 1953: 323–324; Руденко 1960: 313; Федоров-Давыдов 1976: 54, 114; Галанина 1997: 214; Королькова 2006: 42–45; Засецкая 2011: 252–253; Маршак 2017: 341, 343–345, 348–349].

*** На «царских» головных уборах одинаковые образы использованы как эмблемы. Сверху располагался олень, стоящий на кончиках копыт (навершие мужского убора, скульптурка на шпильке — женского), ниже, по кругу — лежащая лошадь (бляшки на тулье), а в центре — стоящий кошачий хищник (бляшка на лобной части). Это не могло быть случайным. И хотя не понятно, что конкретно они обозначали (ипостаси божеств, знаки принадлежности к этническому или социальному коллективу, магические символы), в любом случае здесь отразилась многоуровневая символика. Кроме того, отделка эмалевыми вставками фигур лошадей и оленя на мужском головном уборе, видимо, подчеркивала главенствующую роль «царя».

Фигуры I и II комплексов восходят к единой художественной основе, что подтверждается присутствием у тех и других общих черт одного из вариантов раннего звериного стиля. Так, у всех оленей показаны извивающиеся рога, а у кошачьих хищников — крупные пальцы, оскаленная пасть и закрученный конец хвоста. В тот же хронологический период на других произведениях древних кочевников рога оленей изображались с S-образными или дуговидными отростками, а стопы и окончания хвостов кошачьих хищников передавались в форме кружка или кольца*. Эти характерные признаки аржанских комплексов позволяют гипотетично очертить исходную территорию их формирования.

Согласно К.В. Чугунову, параллели большинству изображений Аржана-2 отыскиваются среди памятников Казахстана. В первую очередь имелись в виду материалы Жалаулинского клада, могильников Акбеит-1, Ашутасты-1, Карашоки, Тагискен, Талды-2, Тасмола, Уйгарак, Шерубай, Шиликты, Байке-2. Достаточно близок аржанскому набору и предмет из северо-западного Пакистана (Кохистана) — фрагментированная золотая гривна из Паттана, происходящая, скорее всего, из грабительских раскопок [Чугунов и др. 2017: рис. 284, 2–7]. Именно на этих изделиях встречены фигуры полусвернувшихся кошачьих хищников, продольное разделение голов копытных, узор в виде изогнутой капли. К.В. Чугунов считает, что художественная традиция Аржана-2, а с ней и вся древнекочевническая культура Тувы сложились в Казахстане либо в каком-то центре Северной Индии или Пакистана [Чугунов 2011а: 52–53, 55–57].

Действительно, большинство аржанских изображений близко произведениям звериного стиля Казахстана. Однако перечисленные стилистические черты распространены среди казахстанских находок не повсеместно, а состав-

ляют достаточно ограниченную группу. Вместе с тем продольное разделение голов копытных известно также на памятниках Северного Китая и Внутренней Монголии, что демонстрируют некоторые вещи и оленные камни [Миняев 2012: рис. 1–4]. Мотив изогнутой капли, украшающий фигуры животных, зафиксирован на петроглифах Тувы и костыльке-застежке из Хакасско-Минусинской котловины [Дэвлет 1982: табл. 14; Завитухина 1983: кат. 184; Чугунов 2008: 66; Чугунов и др. 2017: рис. 114, 1, 121].

На сегодняшний день декор предметов из Аржана-2 нельзя уверенно сопоставить ни с какой конкретной художественной школой. Основной причиной служит самая интересная особенность «изысканного» стиля — наличие фигур животных с вывернутым крупом [Чугунов и др. 2017: табл. 12, 1, 13, 8, 9, 14, 1, 2ж, 32, 1–12, 39, 4, 7, 8, 62, 86, в, 9, 10, 78, 6]. Для звериного стиля VII в. до н. э. это редчайшая черта. Кроме аржанских изделий, пока известно, наверное, только две вещи с таким мотивом — костяной футляр из кургана 7 могильника Байке-2 в Казахстане и бронзовый кинжал из окрестностей дер. Казак-Кочердык в Зауралье [Шилов и др. 2003: рис. 1; Казахстан... 2017: рис. 14, 1, цв. вклейка, фото 1, 5]. На обоих предметах имеются композиции из животных, где с вывернутым крупом показан в одном случае джейран (?), а в другом — архар. По утверждению публикаторов, оформление футляра и кинжала является уникальным для местных культур [Шилов и др. 2003: 191; Казахстан... 2017: 67]**. На изделиях же из Аржана-2 с вывернутым крупом изображены и джейран (?) и архар. Это демонстрирует полное освоение и свободное применение нового мотива мастерами «изысканного» стиля***.

* В аржанской коллекции в нескольких случаях хвосты кошачьих хищников заканчиваются кольцами: на пронизях и ременных бляхах — в виде «сложного завитка» [Чугунов и др. 2017: табл. 39, 7а, 8а, 143, 8–10, 12–17, 146, 3, 4].

** Предложенные исследователями датировки кинжала второй половиной VIII — началом VII в. до н. э., а футляра первой половиной VII в. до н. э. представляются слишком заниженными. Скорее всего, вещи синхронны аржанским находкам.

*** Апробирование новой позы на образах джейрана (?) и архара, а не других копытных, может лишний раз указывать на их первичность в древнекочевническом искусстве.

По-видимому, создатели Аржана-2 входили в политическое образование, родственное кочевническим культурам Казахстана, но вполне самостоятельное, у которого нашлись возможности и ресурсы для формирования собственного варианта звериного стиля. Кочевые маршруты этого племенного объединения, вероятно, охватывали значительную территорию, включая отдельные районы Казахстана, Монголии, Тувы, Северного Китая. Но основное место стоянок тяготело к Синьцзяну.

«ЦАРСКИЕ» ВЕЩИ

Большой трудностью является восстановление процесса изготовления драгоценных вещей из «царской» могилы, а также определение культурной принадлежности их создателей. По мнению Г. Парцингера, все предметы «царской» четы были сделаны в северной Туве, поскольку «нет никаких убедительных свидетельств того, что они были произведены где-либо в другом месте и доставлены в Аржан» [Парцингер 2017: 314]. К.В. Чугунов указал на возможное присутствие среди аржанских мастеров выходцев из чжоуского Китая и городищ архаического Хорезма, которых специально привезли к месту сооружения кургана [Чугунов 2011а: 55–57]. Р.С. Минасян отчасти поддержал предположение о производстве «царского» набора непосредственно перед захоронением и обосновал его: «Большая часть вещей, принадлежавших мужчине, и некоторые, принадлежавшие женщине, никогда в быту не использовались. На всех бляшках от одежды, на обкладках горита и ручки сосуда, на золотом декоре оружия, на золотых шпильках, на пластинчатых фигурках лошадей и оленя, бронзовых котлах, на других вещах нет признаков, свидетельствующих об их применении. На одной из бляшек-лошадок осталась даже еще не отструганная тоненькая длинная завитая стружка, наличие которой говорит о том, что бляшки-лошадки, как и другие новые вещи, делали неподалеку от могилы. Если

бы ими пользовались, стружка бы не сохранилась» [Минасян 2004: 44]*.

Вместе с тем в «царский» комплект вошли изделия, сделанные заранее и доставленные к месту захоронения издалека. Как показали исследования Б. Армбрустер и Р.С. Минасяна, на гривне и пекторали «царя», рукояти кинжала и ременных бляхах «царицы» имеются потертости, указывающие на продолжительную жизнь этих вещей [Минасян 2004: 44; Армбрустер 2017: 39, 68, 187]. Часть привезенных предметов была изготовлена путем переиспользования других изделий. Так, пектораль вырубали из нагрудного пластинчатого украшения, возможно ассири-урартского типа [Кисель 2017: 116, 182]. Дужки женских серег, аккуратно спаянных из проволочек, видимо, вырезали из сплющенного трубчатого ювелирного изделия, не принадлежавшего миру древних кочевников [Минасян 2004: 43].

Непростую историю имел кинжал «царя». Эта железная вещь, декорированная рельефными фигурами и золотыми пластинами, по Б. Армбрустер, создавалась долго, сложно и трудоемко. Рельефы либо вырубались и чеканились по раскаленному железу, либо вырезались, после чего их инкрустировали золотом [Армбрустер 2017: 45, 190–191, 199, 201]. Такая работа должна была потребовать высочайших профессиональных навыков мастера и специальных инструментов. Р.С. Минасян оспорил мнение Б. Армбрустер и высказал предположение об отливке кинжала из чугуна в глиняной форме, оклейке рельефов пластинами, выдавливании на них фигур с последующей прорезкой мелких деталей [Минасян 2014: 97–98, 266; Минасян 2016: 178–179, 182].

Изображения на кинжале выполнены в особой художественной манере, больше не встречающейся на других аржанских предметах. На клинке имеется характерный китайский узор. При этом торцевая сторона рукояти орнаментирована в «изыс-

* Впрочем, согласно авторам раскопок, нижняя часть бронзовых котлов была закопчена, а деревянное блюдо покрыто многочисленными порезами, что указывает на их бытовое использование [Чугунов и др. 2017: 70–71].

канном» зверином стиле. В той же манере сделана бляшка на окончании ребра клинка. Различия в оформлении показывают, что наиболее заметные, выигрышные части изделия украсил китайский ювелир, а второстепенные — подмастерье-кочевник. Не вступая в спор с Б. Армбрустер и Р.С. Минасяном относительно техники изготовления рельефов, следует отметить, что, будучи исполнены в железе, они, очевидно, лишь в общих чертах передавали фигуры зверей. Настоящий свой облик, с мелкими деталями и стилистическими особенностями, рельефы приобрели только после проработки золотого покрытия.

Несомненно, изготовление кинжала заставило мастеров применить все свое умение и талант. Вряд ли такой сложный технологический процесс был осуществим рядом с сооружаемым курганом. Скорее всего, кинжал произвели в специальной, хорошо оснащенной мастерской и только со временем он попал в погребальный инвентарь. Косвенным подтверждением служит бляшка в виде кошачьего хищника на ребре клинка. Ею, вероятно, заменили поврежденную при бытовании или транспортировке рельефную фигуру*.

Значительные сложности возникают при восстановлении процесса изготовления кинжала «царицы». В целом его отделка напоминает украшение кинжала «царя». У обоих предметов навершие и перекрестье представляют собой геральдически расположенных изогнутых кошачьих хищников, рукояти с каждой стороны покрыты тремя продольными рядами животных, а подтреугольное ребро клинков декорировано завитками**. Рукоять кинжала «царицы» спаяна из двух частей, полых внутри, которые были отлиты по утрачиваемым моделям. Хвостовик клинка насажен на рукоять и зафиксирован крупной золотой заклепкой. По наблюдению Р.С. Минасяна, «на рукояти как будто бы есть

следы залощенности», причем на заклепке и аппликациях клинка никаких повреждений нет. Поэтому исследователь предположил, что новый клинок был скомпанован со старой рукоятью [Минасян 2014: 266, 269]. Однако такая реконструкция сомнительна. Судя по каплевидным и округлым кастам, отлитым на рукояти, у мастера было намерение украсить изделие вставками. Вряд ли предполагалось использовать поделочные камни, скорее, должна была фигурировать стеклянная масса. На это указывает рифление в углублениях на туловищах кошачьих хищников, размещенных на перекрестье. Оно предназначалось для лучшего сцепления горячей эмали с металлом. Но при литье большинство кастов получилось сквозными, бесполезными при эмалировании. По-видимому, этот литейный брак и стал причиной отказа от дополнительной отделки рукояти. Следует согласиться с Б. Армбрустер, отметившей, что кинжал «имеет несколько незаконченный вид» [Чугунов и др. 2017: 63]. Залощенности, зафиксированные Р.С. Минасяном, могли появиться в результате частичной и небрежной шлифовки предмета. Думается, кинжал изготовили в спешке недалеко от готовящегося погребения.

Окончательно не выяснен процесс производства шпилек «царицы». Б. Армбрустер и Р.С. Минасян уверены, что обе вещи сделал один мастер, точнее, изображения зверей на стержнях выполнила одна рука. Однако если первый исследователь восстанавливает процесс украшения шпилек как литье по восковой модели, то второй настаивает на рельефной резьбе [Минасян 2004: 40–41; Армбрустер 2017: 58], что представляется более правдоподобным. Удивляет наличие орнамента на стержнях шпилек, поскольку они, находясь внутри прически «царицы», не были видны окружающим***. Обычно

* Р.С. Минасян считает, что бляшка могла скрывать брак на клинке [Минасян 2014: 264].

** В научной литературе существует ничем не обоснованное предположение о том, что кинжалы «царской» четы являются творением одного мастера [Котов, Исмагил 2014: 490].

*** Эта странность заставила Д.В. Позднякова на графической реконструкции костюма «царицы» поместить шпильки не внутри, а снаружи головного убора [Поздняков 2017: рис. 226]. Но и в таком варианте часть фигур оказалась невидимой, так как изображения обвивают стержни по спирали.

древние кочевники у подобных изделий украшали только навершия (редко — навершия с верхней частью стержня). В качестве примера можно привести самую близкую аналогию аржанскому образцу — костяную шпильку, увенчанную миниатюрным ковшом со «сложным завитком» и имеющую абсолютно гладкий стержень, из кургана 3 могильника Байке-2 в Казахстане [Бейсенов и др. 2015: рис. 9, 6].

Появление у кочевников шпилек с моделями ковшей, возможно, следует связывать с культурными влияниями из Северного Китая. Именно оттуда происходит бронзовый нож первой половины I тыс. до н. э., рукоять которого, украшенная S-образными фигурами, подобными орнаментам аржанской портупей, завершается черпачком [Bunker et al. 2002: cat. 43].

При изготовлении шпилек «царицы» был использован специальный технический прием — маскировка зернью паечных швов. Он плохо вяжется с литейными традициями древних кочевников. Кроме того, бросаются в глаза различия в стилистике оленя, венчающего одно из изделий, и «изысканных» фигур на стержне. Поэтому естественно предположить, что обе шпильки по кочевническому заказу отлил инокультурный мастер и только перед самыми похоронами умелец-кочевник покрыл их резьбой.

Не исключено, что аналогично шпилькам изготавливалась подвеска в виде котла. У нее паечные швы тоже спрятаны под зернью. Подвеска, подобно навершию-ковшу одной из шпилек, украшена изображениями, а в древнекочевнической среде тулово миниатюрных сосудов обычно не декорировалось. Резные рисунки на подвеске мог сделать, как указывалось, синьцзянский мастер, скорее всего перед самым захоронением.

Иначе был декорирован обруч гривны. Согласно Б. Армбрустер, он вместе с рисунком отливался по восковой модели, после чего дорабатывался резцом, штихелем, шабером и пуансоном [Чугунов и др. 2017: 39]. Р.С. Минасян затруднился дать однозначное заключение, отметив, что заглаженность фигур не позволяет установить, отливали их или резали [Минасян

2004: 41]. В любом случае гривна использовалась сравнительно длительное время, о чем свидетельствуют потертости*. Обращает на себя внимание украшение предмета в разных художественных манерах, поскольку изображения бруска выполнены в «безыскусном» зверином стиле, а обруча — в «изысканном»**. Более того, орнаментация была произведена различно: брусок отделили припаянными литыми фигурками, а обруч — рельефными рисунками. Возможно, первоначально гривна имела изображения только на обруче, а фигурки на бруске появились лишь возле сооружаемого кургана***. На эту мысль наталкивает сравнение предмета с типологически сходным экземпляром из Сибирской коллекции Петра I, имеющим рубчатый обруч и совершенно гладкий брусок [Руденко 1962: табл. XIV, рис. 1]****.

* К.В. Чугунов в качестве доказательства использования гривны упоминает еще и метку в виде буквы «М» на тыльной стороне бруска. Исследователь отметил: «Интересно, что похожий знак процарапан на обломке рогового псаля, вероятно потерянного при строительстве наземного сооружения и найденного среди камней на площади кургана» [Чугунов 2011а: 49].

** Например, ближайшая аналогия гривны из Аржана-2 — фрагментированная вещь из Паттана — выдержана в единой стилистической манере. Правда, у нее, видимо, была орнаментирована только лицевая сторона бруска. При этом отождествлять предметы не позволяет их различное назначение. Если аржанская гривна являлась нагрудно-шейным украшением, то паттанское изделие служило культовым памятником. Оно весило около 16 кг и по размерам превосходило аржанскую гривну в 8 раз [Парцингер 2017: 310, рис. 284, 2–7].

*** На первый взгляд, такое предположение опровергается отсутствием на бруске одной бляшки в виде кошачьего хищника [Чугунов 2011а: 49; Чугунов и др. 2017: 39, табл. 3, 1б, 4, 4]. Однако потеряться она могла не только в процессе использования вещи, но и в другое время, например при комплектовании погребального инвентаря.

**** Г.А. Федоров-Давыдов писал о «петровской» гривне: «Этот предмет создает поразительно завершенное впечатление на редкость удачным сочетанием геометрических форм. Закрученная винтовая нарезка контрастирует с гладкой плавной поверхностью щитка» [Федоров-Давыдов 1976: 46].

Производство «царского» ножа, у которого рукоять и кольцевидное навершие украшены волнистыми фигурами и изображениями архаров, потребовало большого старания и профессионализма мастера. Орнаменты на ноже выполнены в низком рельефе. Очевидно, они были вырезаны прямо на железе, после чего обложены золотыми пластинами, на которых выдавили узор [Минасян 2004: 43; Минасян 2014: 269; Армбрустер 2017: 46, 199]. Изображения на ноже стилистически совпадают с украшениями пекторали. Наверное, их создал один мастер, причем приблизительно в одно и то же время. Судя по сложности исполнения, эти изделия, скорее всего, изготавливались в хорошо оснащенном ремесленном центре, а не возле погребения.

Рассматривая возможные источники формирования «царского» инвентаря, нельзя обойти вниманием портупейный набор. От него сохранились обоймы со сдвоенными парами ажурных S-образных фигур, подвес, наконечники ремней и пряжка в форме «сложного завитка». До сих пор не удается определить, какие ременные элементы входили в комплект. Д.В. Поздняков считает, что у «царя» было три пояса: первый — несохранившийся простой пояс из кожи или ткани без каких-либо металлических украшений, второй — основной наборный пояс, третий — «стрелковый» наборный пояс для подвешивания колчана и налучья [Поздняков 2017: 217]. По мнению К.В. Чугунова, «царская» портупея состояла из двух поясов или пояса и перевязи с дополнительным простым кушаком [Чугунов 2016: 350, 356]. Согласно же предположению П.И. Шульги, пояс был один, но оснащенный свисающими ремешками, аналогичный северокитайским образцам того же времени [Шульга 2015: 119]. На наш взгляд, у «царя» имелась пара поясов: один — простой повседневный и второй — парадный (ритуальный) с обоймами и свисающими ремешками. Парадный наборный пояс, безусловно, соответствовал образцам из Северного Китая. Их близость подчеркивают обоймы, украшенные

S-образными фигурами (Юйхуанмяо, погребения M95, M230) [Шульга 2015: рис. 29Д, 5, 35А, 14, 100, 20, 28]. Сходство аржанских экземпляров с некоторыми северокитайскими настолько полное (судя по рисункам в публикациях), что позволяет предполагать их отливку по одному шаблону*.

Отсутствие следов износа на обоймах, наконечниках и пряжках доказывает их изготовление специально для захоронения, то есть в «царский» погребальный комплект вошла новая, полностью собранная портупея. Вполне вероятно, что «родная» фурнитура была сделана не из золота, а из бронзы. По крайней мере, пояса с бронзовыми обоймами, декорированными сдвоенными парами S-образных фигур, обнаружены не только в Северном Китае, но и в Туве (Кызыльская пожарная часть, погребение ПО-1; Демир-Суг I, курган 1) [Вайнштейн 1966: 165, табл. VIII, 8; Семенов 2001: рис. 2, 13].

Археологам пока не удается точно установить территорию формирования древнекочевнических наборных поясов. Наиболее вероятным местом называются Южное Зауралье и Казахстан [Чугунов 2016: 356]. Правда, в Казахстане не обнаружено поясных обойм VII–VI вв. до н. э. с изображениями животных, подобных находкам из Зауралья и Тувы (парные головы джейранов (?) — Кичигино I, курган 5; парные лежащие архары — Усть-Хадынныг I, курган 4; Сыпучий Яр, курган 4; Чинге-Тэй I, могила 5; Аржан-2, могила 26; парные стоящие кошачьи хищники — Чинге-Тэй I, могила 4; Аржан-2, могила 20) [Семенов 2001: рис. 2, 8-10, 12; Таиров, Боталов 2010: рис. 3, 2, 3; Чугунов 2016: рис. 165Б, В, 166, 4, 169, 1, 170, 174; Чугунов и др. 2017: табл. 97, 3, 104, 3, 112, 2, 115, 26]. Известные на данный момент раннескифские обоймы из Казахстана не имеют декора или украшены геометрическим

* Иллюстрацией такой ситуации служат этнографические материалы. В XIX — начале XX в. якуты и буряты — признанные кузнецы и ювелиры Сибири — являлись поставщиками наборных поясов и поясной фурнитуры многим сибирским народам [Саввинов 2001: 76–77; Ермолова 2006: 210–211, 242, 279; Павлинская 2006: 304–306].

орнаментом*. Это вызывает удивление из-за близости произведений звериного стиля Казахстана, Южного Зауралья и Тувы и, видимо, указывает на два центра по производству поясных обоев, функционировавших одновременно.

Пояс «царицы» не сохранился. Очевидно, он представлял собой обыкновенную опояску, изготовленную из кожи или материи [Поздняков 2017: 218]. Для крепления кинжала к ней приделали дополнительный ремешок, украшенный обоймами со скульптурками лежащего горного козла. Следов износа на обоймах не зафиксировано. В то же время бляхи в виде «сложного завитка», служившие элементами крепежа ножен, имеют потертости [Минасян 2004: 44]. Очевидно, для погребального набора «царицы» был сделан не только новый кинжал, но и пояс, к которому подвесили старые ножны с фурнитурой.

По причине плохой сохранности не удастся уверенно восстановить процесс и время производства некоторых предметов вооружения «царя». Например, лук, составленный из множества деревянных планок, обмотанных берестой, по мнению Э. Годехардта и Х. Шелленберга, был изготовлен исключительно для погребения. Он представлял собой нефункциональную модель, так как при отсутствии роговых накладок и сухожильного усиления должен был сломаться во время натяжения [Годехардт, Шелленберг 2017: 222]. Но такое заключение порождает серьезные сомнения. Во-первых, планки, вырезанные из прутьев, отличаются тщательностью отделки и аккуратностью подгонки, что не вяжется с бутафорской копией. Во-вторых, согласно авторам раскопок, под берестяной обмоткой находился «дополнительный волокнистый органический слой» [Чугунов и др. 2017: 50], по видимому являвшийся остатками наклеенных сухожилий. В-третьих, нельзя исключить и при-

сутствия роговых или костяных деталей, которые полностью разложились. Косвенным указанием служит пустотелость золотой обкладки наконечника для крепления тетивы [Чугунов и др. 2017: табл. 19, 13, 45, 3], поскольку обычно такие наконечники делались из рога. Все это позволяет заключить, что если лук и был изготовлен для погребения, то все же обладал боевыми качествами и мог использоваться по назначению. Однако золотыми пластинками его украсили перед самым захоронением.

Стрелы и чекан тоже являлись настоящим боевым оружием. Правда, аппликации на них, как и на луке, появились при подготовке погребения. Как утверждает Р.С. Минасян, кочевники декорировали золотыми пластинами только то оружие, которое предназначалось не просто воину высокого социального статуса, а именно мертвому знатному воину. Обычно драгоценные аппликации наклеивались, а «каким бы ни был крепким клей, оружием с наклеенным декором невозможно пользоваться повседневно или даже иногда, тем более не оставив следов использования вещей на золоте» [Минасян 2014: 272]**.

Особняком в «царском» наборе располагается нагайка [Чугунов и др. 2017: табл. 28, 50]. Она единственная вещь «царя», не украшенная никаким орнаментом. Немалые затруднения вызывает ее реконструкция. Дело в том, что в «царской» могиле сложился специфический микроклимат, при котором практически целиком истлели животные органические материалы, но сохранились растительные и неорганические. На момент раскопок от нагайки остались только золотые детали — наконечники, обкладки, обоймы, ворворки. В связи с этим маловероятно, что предмет имел деревянную рукоять, типичную для подобных изделий.

Согласно К.В. Чугунову, нагайка была полностью сплетена из кожаных ремешков, что выделяло ее из ряда обычных плетей [Чугунов 2018: 28–29]. Судя по размерам наконечников и об-

* Некоторые казахстанские обоймы находят точные соответствия в Туве. Например, Х-образные ажурные экземпляры из кургана 1 могильника Тасмола II и кургана 2 могильника Алыпкаш сходны с предметами из могилы 3 кургана Чинге-Тэй I [Таиров 2004: рис. 1, 10, 12; Чугунов 2016: рис. 168].

** На аржанских наконечниках стрел аппликации сделаны не только золотом, но и серебром.

кладок, рукоять предмета составляла в длину около 35 см или немногим более, а в диаметре — 1,3–1,7 см [Чугунов и др. 2017: 53, табл. 30, 2]. Это соответствует параметрам древнекочевнических плетей с Алтая, из Зауралья, Казахстана и Синьцзяна [Шульга 2008: 50–52; Шульга 2010: 70–71, рис. 82]. У современных же плетеных нагаек-волчаток рукоять не выделяется. Такие плети, начинаясь с 2–3 см в диаметре, зауживаются по всей длине. Видимо, рукоять аржанского экземпляра была не пластичной и гнущейся, а твердой. В частности, на это указывают сохранившиеся в наконечниках деревянные клинья, ненужные при ременной основе. Принимая во внимание плетень VII в. до н. э. из кургана 83 могильника Уйгарак в Казахстане, имевшую косяное (роговое?) кнутовище [Вишневская 1973: 57, табл. XIX, 10, 11], можно предположить, что материалом для рукояти предмета из Аржана-2 послужил рог.

В таком случае «царская» нагайка состояла из рогового стержня с 16 обкладками и парой наконечников. К петле одного из наконечников крепился ремень шириной около 1 см и толщиной 0,3–0,5 см. Он был украшен 13 обоймами и раздваивался на конце, завершаясь ворворками. На одном из наконечников прослеживаются следы «ковки», появившиеся, по мнению Б. Армбрустер, во время его переделки [Чугунов и др. 2017: 53]. Но скорее, эти забитости возникли в процессе неаккуратного насаживания наконечника на рукоять. По всей видимости, предмет был изготовлен непосредственно перед захоронением и не использовался в быту. Отсутствие на металлических деталях изделия какого-либо орнамента объясняется или случайностью (спешка, недосмотр), или его неординарностью*. Пожалуй, более предпочтительным является первое

* Исследователи неоднократно отмечали многозначность символики плети в кочевом мире [Традиционное мировоззрение... 1988: 192–193; Коновалов 2001: 232; Кубарев 2005: 80]. К.В. Чугунов считает, что аржанская нагайка являлась символом божественного орудия Йимы — мифологического прародителя древних иранцев [Чугунов 2018: 29].

предположение, поскольку у древних кочевников существовала традиция орнаментирования нагаек [Руденко 1953: 227–229, рис. 142, табл. CVI, 2; Фиалко 1993: 198, рис. 1; Богданов 2006: табл. XCII, 1–3, 5, 6, CVII, 1; Шульга 2008: рис. 74, 17; Смирнов 2012: 430]. Может показаться странным, что вещь, сделанная исключительно для погребения, была вполне функциональна. Однако остальные «царские» предметы, изготовленные с аналогичной целью, тоже могли применяться по прямому назначению.

Завершая разбор драгоценных изделий, перечислим технологические операции, проведенные над ними непосредственно перед погребением. Как показала археологическая ситуация, «царские» головные уборы и верхняя плечевая одежда были покрыты золотыми бляшками. Кроме того, штаны «царя» имели сплошную расшивку золотым бисером, а вероятный нагрудник «царицы» обильно украшали бусины из золота, бирюзы, пирита, янтаря и стекла. Обувь «царской» четы декорировали золотые пластины и расплющенные трубочки [Поздняков 2017: 215–218]. Устроители похорон основное внимание уделили отделке золотом именно ритуальных костюмов. Параллельно выполнялась работа по преобразованию бытовых и культовых вещей, предметов вооружения — это прикрепление к гребню и деревянным сосудам золотых пластин, нанизывание обойм на ремешки, расшивка бляшками горита и покрытие пластиной его дна и боковины, наклеивание пластинок на оружие с последующим вырезанием на них изображений, декорирование фигурной резьбой литых изделий. Должно быть, заключительной процедурой стало окрашивание вещей в красный цвет, так как на многих предметах были прослежены остатки красного красителя [Армбрустер 2017: 36–37, 39, 46, 50, 69, 71]**. Над созданием «царского» набора трудились как кочевники, так и мастера из

** Древки стрел с синим и красным геометрическим узором [Чугунов и др. 2017: табл. 26, 48] могли быть покрашены до формирования «царского» погребального комплекта.

Синьцяна и, возможно, других областей севера Китая. Видимо, к месту сооружения Аржана-2 были доставлены многие, если не все, работники полиэтничной мастерской. Умельцев же, творивших в «безыскусном» стиле, скорее всего, набрали в ближайших кочевьях.

СИМВОЛИКА АРЖАНСКИХ ВЕЩЕЙ

Несомненно, все операции с вещами и размещение их в могилах производились согласно традиционным установкам погребального обряда. Наиболее показательна ситуация с металлическими предметами. Геродот в «Истории» отмечал, что скифы придавали громадное значение золоту, особенно при «царских» похоронах (Hdt., IV, 71; по: [Доватур и др. 1982: 127]). Это сочетается с устойчивыми представлениями разных народов о связи золота с божественной сущностью, небесной сферой и огненной стихией [Литвинский 1982: 35–36, 39–42; Акишев 1984: 122, 132–145; Топоров 2014: 438, 440, 443]. В сакральной сфере золоту могли соответствовать бронза и медь из-за их желтоватого цвета, но социально-статусный характер золотых вещей оставался исключительным. Для создателей Аржана-2 этот металл занимал главное место. Именно поэтому подавляющее большинство изделий из золота или отделанных им было сконцентрировано в «царской» могиле*. В сопроводительных же захоронениях только в половине были найдены небольшие золотые изделия, причем в основном серьги (мог. 11, 13А, 13В, 20, 22, 25) [Чугунов и др. 2017: табл. 86, 9, 91, 1, 2, 5, 7, 93, 2, 97, 1, 99, 1, 3, 5, 102, 1, 106, 1–3, 5, 6, 110, 1–6].

Вторым по значимости для создателей Аржана-2, наверное, выступало серебро. У аржанских мастеров имелось немного серебра, а также его сплава с золотом — электра, и эти металлы пошли исключительно на украшение предметов,

* В ряде докладов и статей К.В. Чугунов высказал различные предположения о символическом значении золотых костюмов и атрибутов «царской» четы из Аржана-2 [Чугунов 2014: 714, 724; Чугунов 2015: 354; Чугунов 2018: 26–30].

предназначенных «царю». В мифопоэтической традиции серебро нередко являлось антиподом золоту [Топоров 2014: 446]. Может быть, поэтому парные электровые обоймы на ремешке зеркала чередуются с парными золотыми обоймами, а аппликации-завитки наконечников стрел составлены из сочетаний серебряных и золотых дуг [Чугунов и др. 2017: табл. 21, 1, 22, 3–7, 23, 24, 5–12, 42, 2, 46, 2–11].

Символическими качествами, близкими серебру, иногда наделялось железо. Нередко оно использовалось для защиты от вредоносных потусторонних сил [Фрэзер 1983: 218–219, 451; Топоров 2014: 446]. Именно из железа было сделано все «царское» оружие. В сопроводительных погребениях только в одном случае присутствовал железный нож (могила 22). Он принадлежал убитой женщине, у которой на головном уборе располагалась золотая бляшка с эмалевыми вставками в виде архара в «изысканном» стиле [Чугунов и др. 2017: табл. 99, 1, 110, 6], что, должно быть, подчеркивало связь погребенной с «царем».

Неожиданное место в Аржане-2 заняло олово. В древности оно воспринималось как единое целое со свинцом и порой наделялось негативными признаками. В то же время олово часто служило апотропеем [Мусселиус 1897: 893; Топоров 2014: 446–447]. Оловянные предметы — пектораль, серьги и фрагменты пластин — были найдены в двух сопроводительных погребениях, где не было золотых вещей (могилы 8, 12) [Чугунов и др. 2017: табл. 87, 2–6, 88, 3–14, 105, 4, 107, 2]. Возможно, в этом случае олово заменило золото.

Декорировка сопроводительного инвентаря изображениями животных производилась по причине наделяния их магическим содержанием или символикой божественных сил, о чем уже неоднократно писали исследователи (см.: [Черемисин 2008: 8–25]). Не исключено, что и орнаментальные мотивы выступали в роли знаков, по крайней мере такие, как волюта, изогнутая капля, «сложный завиток». Все они могли восходить к схематичному рисунку когтя птицы или зверя, обычно служившего апотропеем. «Для первобытных и традиционных мастеров „де-

кор“ вещи и она сама, ее назначение были особым образом связаны. Одна из целей украшения вещей — придание им особой силы», — подчеркнул А.К. Байбурин [Байбурин 1989: 68]. При этом аржанские находки лишней раз указывают на сословный характер звериного стиля, его связь с военной аристократией. Так, основное число предметов, украшенных изображениями животных, размещалось в «царской» могиле и только некоторые — в сопроводительных захоронениях (могилы 13, 20, 22, 25, 26).

Окрашивание погребальных вещей тоже имело символическое значение. Этнографы констатируют, что в похоронном обряде краска нередко несла апотропеические функции [Раденкович 1989: 132–133; Геннеп 1999: 138]. В то же время красный цвет прочно ассоциировался с кровью, причем во всех ее вариантах: «кровь убийства», «кровь родов», регулы и т. д. Часто оттенки красного обозначали огонь, золото/медь, здоровье, красоту. Благодаря этим метафорическим связям цвет выступал символом мужественности, женственности, плодородия, возрождения, власти, агрессии, половой связи. Им маркировали вождей, воинов, охотников, новобрачных, молодых матерей [Тэрнер 1983: 72–73, 80, 82–83, 90–98, 101–102; Акишев 1984: 127–142; Бернштам 1988: 85–91; Раденкович 1989: 131–137, 142–143; Мирнова 1993: 173–174, 178; Топоров 2014: 433–435, 437, 440–442]*. Кстати, в скифском обществе, судя по письменным источникам и лингвистическим данным, сословие юношей-воинов ассоциировалось с огненно-красными тонами [Кулланда 2014: 319, 323, 327–329].

Красный цвет занял видное место в брачном ритуале и стал у ряда народов доминирующим в свадебных костюмах [Маслова 1984: 41; Раденкович 1989: 133; Серебрякова 1989: 164, 168; Яценко 2006: 360–361]. Вместе с тем широко известно типологическое сходство брачных обрядов и по-

хорон [Байбурин, Левинтон 1985: 5–8; Бушкевич, Страхов 1985: 19–21; Усманова, Логвин 1998: 60–61; Седакова 2004: 140–141, 143–144]. Поэтому не удивительно наличие в погребениях древних кочевников разнообразной брачной атрибутики [Мачинский 1978: 133–134, 147–148; Бессонова 1983: 115; Раевский 2006: 127–130; Яценко 2006: 334, 354]. В материалах Аржана-2 тоже восстанавливаются детали свадебного костюма. Так, на «царицу» были надеты высокий головной убор и, возможно, нагрудник — частые элементы одежды невесты или молодой женщины, родившей первенца [Кисель 2018b: 122–124]. Впрочем, полисеманτικότητα красного цвета пока не позволяет четко очертить круг представлений, потребовавших окраски аржанских вещей. Для этого необходимо отдельное углубленное исследование.

По-видимому, ритуальное значение имела и «недоделанность» некоторых изделий, то есть частичное сохранение литейной поверхности, заусенцев, стружки, зафиксированные Б. Армбрустер и Р.С. Минасяном [Минасян 2004: 44; Армбрустер 2017: 37, 63, 187]. Незавершенность погребальных предметов этнографы объясняют их промежуточным состоянием на пути перехода из «этого» мира в потусторонний [Байбурин 1993: 109–110].

Стоит отметить, что в «царской» могиле, наряду с золотыми или отделанными золотом вещами, размещались предметы из других материалов. Там находились кожаные сумки и фляги с деревянными пробками, деревянные блюдо и терочник, каменные блюда, бронзовые котлы, зеркала, чашечка, шило и булавка, каменные и стеклянные бусы, роговой и бронзовый наконечники стрел, предмет из рогового чехла, какие-то войлочные и тканые изделия [Чугунов и др. 2017: 37, 47–48, 58, 60, 64–71; Чугунов 2018: 27]. Одна часть «царских» вещей была специально изготовлена для погребения, а другая могла служить владельцам при жизни. Инвентарь же сопроводительных погребений практически весь использовался в быту. На это указывают царапины, потертости, следы поломок и ремонта предметов [Чугунов и др. 2017: 78–79, 85, 87, 92–93, 95].

* В. Тэрнер писал: «Однозначной связи между цветом и полом не существует. Цветовая символика не обязательно соотносится с полом, хотя в некоторых ситуациях красное и белое выражают именно противопоставление полов» [Тэрнер 1983: 73].

Показательно, что в сопроводительных погребениях не оказалось кинжалов, шпилек, гривн, нагек, котлов и моделей сосудов. Очевидно, эти вещи связывались только с высшей древнекочевнической знатью. К тому же некоторые из них, видимо, являлись знаком родовой принадлежности. На такую мысль наводит упоминание Геродота о том, что скифы в память о мифическом герое-предке подвешивали к поясу чашу (Hdt., IV, 10; по: [Доватур и др. 1982: 103]). Судя по археологическим материалам, в азиатском кочевом мире в течение всей скифской эпохи широко бытовали разнообразные миниатюрные сосуды-подвески. Поэтому вполне вероятно, что аржанская подвеска в виде котла (а может быть, и шпилька с навершием-ковшом) служила указанием на происхождение «царя» от легендарного родоначальника [Кисель 2003b: 59; Кисель 2007: 76; Чугунов 2006: 205–207].

Ритуальные ковши с рукоятью — ногой лошади, найденные в «царской» могиле и двух погребениях знатных воинов (могилы 20, 25), возможно, тоже выступали родовым символом [Кисель 2013: 32–33]. По крайней мере, в тексте Геродота имеется указание на конское божество, которому поклонялось только главное племя скифской конфедерации — «царские» скифы (Hdt., IV, 59; по: [Доватур и др. 1982: 121]).

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показало, что племенное объединение, кочевавшее в отдельных районах Казахстана, Синьцзяна, Монголии и Северного Китая, для проведения похорон «царской» четы выбрало северную Туву. Организация захоронения потребовала от кочевников больших усилий и значительного времени. Близ места

сооружения Аржана-2 был развернут мобильный производственный центр, где множество мастеров занималось изготовлением «царского» убранства. Эта работа шла параллельно с возведением погребальных конструкций*. Очевидно, в процессе проведения обряда тела «царя» и «царицы» облачили в ритуальные костюмы, специально сшитые и отделанные новыми украшениями. В могилу вместе с «царской» четой поместили сопроводительный инвентарь, в который вошли недавно изготовленные вещи, а также предметы вооружения и некоторые инсигнии, использовавшиеся при жизни владельцев.

Как показал анализ, аржанские предметы, декорированные изображениями животных, были выполнены в разной стилистике. Можно выделить условно «безыскусный», «изысканный», «имитационный» звериный стиль. По всей видимости, у создателей кургана имелась мастерская, обеспечивавшая дорогими изделиями высшую кочевническую знать. Мастерская была укомплектована представителями древнекочевнического мира, Синьцзяна и других областей севера Китая. Вероятно, она находилась при ставке вождя либо в оседлом поселении, подконтрольном кочевникам. Не исключено, что именно в этой мастерской были освоены и развиты такие признаки классического звериного стиля, как сложные композиции, декоративность и мотив животного с вывернутым крупом, которые впоследствии стали отличительными чертами саглынского и пазырыкского искусства Тувы и Алтая.

* По мнению К.В. Чугунова, «царская» могила с погребальным срубом «стояла открытой некоторое время в ожидании похорон» [Чугунов 2011b: 280]. Возможно, тогда-то и была изготовлена основная часть вещей «царского» убранства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова 2011. Аванесова Н.А. Анималистические находки эпохи бронзы Заравшанской долины // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера. Вып. 25. — Кемерово: КемГУ, 2011. — С. 111–120.

Акишев 1984. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. — Алма-Ата: Наука, 1984. — 176 с.
Армбрустер 2017. Армбрустер Б. Предметы ювелирного искусства // Чугунов К.В., Парцингер Г.,

- Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. — С. 186–201.
- Аскарлов 1977. Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. — Ташкент: Фан, 1977. — 232 с.
- Байбурун 1989. Байбурун А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. — Л.: Наука, 1989. — С. 63–88.
- Байбурун 1993. Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб.: Наука, 1993. — 240 с.
- Байбурун, Левинтон 1985. Байбурун А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд»: Тезисы докладов. — М.: ИСБ АН СССР, 1985. — С. 5–9.
- Бейсенов и др. 2015. Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н. э. — Алматы: Изд-во ИА им. А.Х. Маргулана, 2015. — 188 с.
- Бернштам 1988. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. — Л.: Наука, 1988. — 278 с.
- Бессонова 1983. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. — Киев: Наукова думка, 1983. — 138 с.
- Богданов 2006. Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. — 240 с.
- Бронников, Чугунов 2015. Бронников А., Чугунов К. Сокровища Долины царей Тувы. Атлас-альбом древнего искусства. — М.; СПб.; Кызыл: Фонд Кужугета Шойгу, 2015. — 244 с.
- Бушкевич, Страхов 1985. Бушкевич С.П., Страхов А.Б. Восточнославянский «красный траур» по данным фольклора и погребальной обрядности // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд»: Тезисы докладов. — М.: ИСБ АН СССР, 1985. — С. 19–21.
- Вайнштейн 1966. Вайнштейн С.И. Памятники кызылганской культуры // Труды ТКАЭЭ. Т. II. — М.; Л.: Наука, 1966. — С. 143–184.
- Ван Пэн 2018. Ван Пэн. Взаимодействие культур бронзового и раннего железного века Южной Сибири, Синьцзяна и Северного Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2018. — Т. 17. — № 4: Востоковедение. — С. 16–29.
- Варенов 2018. Варенов А.В. О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленях в «стиле оленных камней» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2018. — Т. 17. — № 4: Востоковедение. — С. 30–39.
- Ведянин, Кунгуров 1986. Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесьи 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1986. — С. 88–114.
- Вишневская 1973. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. — М.: Наука, 1973. — 160 с. (Труды ХАЭЭ. Т. VIII).
- Галанина 1997. Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. — М.: ЦСИДЦ ИВИ РАН; ГАИ ЕО, 1997. — 269 с.
- Геннеп 1999. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. — М.: Восточная литература, 1999. — 198 с. (Этнографическая библиотека).
- Годехардт, Шелленберг 2017. Годехардт Э., Шелленберг Х.М. Луки скифского времени // Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. — С. 220–232.
- Грязнов 1980. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. — Л.: Наука, 1980. — 62 с.
- Даркевич 1976. Даркевич В.П. Аргонавты Средневековья. — М.: Наука, 1976. — 200 с.
- Доватур и др. 1982. Доватур А.И., Каллистов Д.И., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. — М.: Наука, 1982. — 455 с.
- Дэвлет 1982. Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. — М.: Наука, 1982. — 128 с.
- Ермолова 2006. Ермолова Н.В. Пояса у народов Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири. — СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2006. — С. 170–301. (Сборник МАЭ. Т. 51).
- Завитухина 1983. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. — Л.: Искусство, 1983. — 191 с. (Эрмитаж).
- Засецкая 2011. Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. — 328 с.

- Казахстан... 2017.* Казахстан в сакскую эпоху. — Алматы: Изд-во ИА им. А.Х. Маргулана, 2017. — 228 с.
- Кисель 2003а.* Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 192 с.
- Кисель 2003б.* Кисель В.А. Ритуальные сосуды и напитки скифов // Степи Евразии в древности и Средневековье: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. II. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2003 — С. 57–63.
- Кисель 2007.* Кисель В.А. Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2007. — № 3 (31). — С. 69–79.
- Кисель 2013.* Кисель В.А. О культе конского божества у древних кочевников // Археологический сборник ГЭ. — Вып. 39. Материалы и исследования по археологии Евразии. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. — С. 31–39.
- Кисель 2017.* Кисель В.А. Аржанская пектораль: происхождение, стилистика, символика // «И музую его была наука». Сборник памяти В.А. Кореняко (1952–2016). — Азов: Азовский музей-заповедник, 2017. — С. 115–126.
- Кисель 2018а.* Кисель В.А. Вещи «царской» четы из кургана Аржан-2 в Туве (стилистика и авторство) // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всерос. науч. конф. — Уфа: Изд-во ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. — С. 139–145.
- Кисель 2018б.* Кисель В.А. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). — СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2018. — С. 120–127.
- Ковалев 2001.* Ковалев А.А. О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2001. — С. 160–166.
- Коновалов 2001.* Коновалов А.В. Крученая плеть, летающий кобыз, разорванный костюм и раскаленный металл (о «материальных» элементах шаманской культуры казахов) // Евразия сквозь века. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2001. — С. 232–233.
- Королькова 2006.* Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 272 с.
- Котов, Исмагил 2014.* Котов В.Г., Исмагил Р. Космос казак-кочердыкского акинака: к вопросу о символическом статусе оружия у скифов в скифосакской номадологии // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сборник памяти Е.Е. Кузьминой. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. — С. 488–497.
- Кубарев 2005.* Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. — 400 с.
- Кулланда 2014.* Кулланда С.В. Скифские варны // Археологические вести. — 2014. — Вып. 20. — С. 318–321.
- Литвинский 1982.* Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии) // СЭ. — 1982. — № 4. — С. 34–43.
- Маршак 2017.* Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. — СПб.: Академия исследования культуры, 2017. — 736 с.
- Маслова 1984.* Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. — М.: Наука, 1984. — 216 с.
- Мачинский 1978.* Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. — Л.: Аврора, 1978. — С. 131–150.
- Минасян 2004.* Минасян Р.С. Секреты скифских ювелиров // Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. — СПб.: Славия, 2004. — С. 40–44.
- Минасян 2014.* Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. — 472 с.
- Минасян 2016.* Минасян Р.С. Ранние скифские и сарматские железные акинаки (VII–V вв. до н. э.) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. — С. 178–183.
- Миняев 2012.* Миняев С.С. К интерпретации некоторых изображений на оленных камнях // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. — СПб.: Изд-во ИИМК РАН; Периферия, 2012. — С. 262–267.

- Миронова* 1993. Миронова Л.Н. Семантика цвета в эволюции психики человека // Проблема цвета в психологии. — М.: Наука, 1993. — С. 172–188.
- Монгольско-ойратский...* 1923. Монгольско-ойратский героический эпос. — СПб.; М.: Всемирная литература, 1923. — 255 с.
- Мусселиус* 1897. Мусселиус В.Р. Олово // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 42. — СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. — С. 893–896.
- Павлинская* 2006. Павлинская Л.Р. Наборные пояса в культурах Сибири середины XIX — начала XX в. // Украшения народов Сибири. — СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2006. — С. 302–341. (Сборник МАЭ. Т. 51).
- Парцингер* 2017. Парцингер Г. Элитный скифский курган Аржан-2 в Туве: итоги изучения // Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. — С. 302–326.
- Переводчикова* 2009. Переводчикова Е.В. О различных формах диалога искусства степи и цивилизаций: к постановке вопроса // *Stratum plus*. — 2009. — 2005–2009, № 3. — С. 155–161.
- Переводчикова* 2011. Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль Европы и Китая: некоторые особенности диалога // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. — С. 137–142.
- Переводчикова* 2015. Переводчикова Е.В. К хронологии раннескифского звериного стиля Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всерос. науч. конф. (Челябинск, 28 сент. — 2 окт. 2015). — Челябинск: Изд-во ЧГКМ, 2015. — С. 236–239.
- Подольский* 2010. Подольский М.Л. Зверь, который был сам по себе, или Феноменология скифского звериного стиля. — СПб.: ЭлекСис, 2010. — 192 с.
- Поздняков* 2017. Поздняков Д.В. Реконструкция одежды // Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. — С. 215–220.
- Путешествие...* 1957. Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. — М.: ГИГЛ, 1957. — 271 с.
- Раденкович* 1989. Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской культуры: источники и методы. — М.: Наука, 1989. — С. 122–148.
- Раевский* 2006. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 600 с.
- Руденко* 1953. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.; Л.: АН СССР, 1953. — 402 с.
- Руденко* 1960. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л.: АН СССР, 1960. — 359 с.
- Руденко* 1962. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. — М.; Л.: АН СССР, 1962. — 52 с. (Археология СССР. САИ. Вып. Д3-9).
- Савинов* 2017. Савинов Д.Г. Нуклеарное искусство звериного стиля // КСИА. — 2017. — Вып. 247. — С. 28–49.
- Саввинов* 2001. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX — начало XX века: Историко-этнографическое исследование. — Новосибирск: Наука, 2001. — 170 с.
- Сарианиди* 1977. Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. — М.: Наука, 1977. — 172 с.
- Седакова* 2004. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. — М.: Индрик, 2004. — 320 с.
- Семенов* 2001. Семенов Вл.А. Сыпучий Яр — могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2001. — С. 167–172.
- Серебрякова* 1989. Серебрякова М.Н. О знаковой функции народного костюма (на примере костюма невесты чепни в Турции) // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. — Л.: Наука, 1989. — С. 154–175.
- Смирнов* 2012. Смирнов Н.Ю. На чем ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. — СПб.: Изд-во ИИМК РАН; Периферия, 2012. — С. 424–432.
- Таиров* 2004. Таиров А.Д. Раннесакские боевые пояса // РА. — 2004. — № 1. — С. 140–145.
- Таиров, Боталов* 2010. Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. — М.: Таус, 2010. — С. 339–354. (МИАР. № 13).

- Топоров 2014. Топоров В.Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 2. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 536 с.
- Традиционное мировоззрение... 1988. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. — Новосибирск: Наука, 1988. — 225 с.
- Тэрнер 1983. Тэрнер В. Символ и ритуал. — М.: Наука, 1983. — 277 с.
- Усманова, Логвин 1998. Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники украшений Казахстана. Эпоха бронзы. — Лисаковск: [Б. и.], 1998. — 64 с. (Степь. Человек. Время).
- Федоров-Давыдов 1976. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства Евразийских степей и золотоордынских городов. — М.: Искусство, 1976. — 228 с.
- Фиалко 1993. Фиалко Е.Е. Нагайка из Бердянского кургана // Древности степного Причерноморья и Крыма. Т. IV. — Запорожье: [Б. и.], 1993. Т. IV. — С. 197–200.
- Фрэзер 1983. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. — М.: Политиздат, 1983. — 703 с.
- Черемисин 2008. Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры. Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. — 136 с.
- Чугунов 2004. Чугунов К.В. Кинжал-акинак из кургана Аржан-2 // Сообщения ГЭ. Вып. LXII. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. — С. 72–74.
- Чугунов 2006. Чугунов К.В. Сосуд Гести или чаша Геракла? (Размышления по поводу одного шедевра) // In situ. К 85-летию профессора А.Д. Столяра. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. — С. 200–207.
- Чугунов 2008. Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропую тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. — С. 53–69. (Труды САИПИ. Вып. IV).
- Чугунов 2009. Чугунов К.В. Аржан-1 и Аржан-2: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы: электрон. журн. — 2009. — № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/469-chugunov.html (дата обращения: 26.08.2018).
- Чугунов 2011а. Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. — СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 39–60.
- Чугунов 2011б. Чугунов К.В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. — 2011. — № 1. — С. 262–335.
- Чугунов 2014. Чугунов К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции кочевников Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. — Астана: Сарыарка, 2014. — С. 714–725.
- Чугунов 2015. Чугунов К.В. Золотые облачения у кочевников Евразии как источник для реконструкции древних культов // Азия и Африка в меняющемся мире: XXVIII Междунар. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. — С. 354.
- Чугунов 2016. Чугунов К.В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. — С. 336–356.
- Чугунов 2018. Чугунов К.В. Цари и боги Азиатской Скифии (по материалам кургана Аржан-2) // Археологія і давня історія України. — 2018. — Вип. 2 (27). — С. 25–34.
- Чугунов и др. 2017. Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. — 500 с.
- Шер 1980. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М.: Наука, 1980. — 328 с.
- Шилов и др. 2003. Шилов С.Н., Исмагил Р., Котов В.Г., Банников А.Л. Уникальный бронзовый кинжал из Казак-Кочердыка (Курганская область): типология и семантика // Уфимский археологический вестник. — 2003. — Вып. 4. — С. 163–198.
- Шульга 2008. Шульга П.И. снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. — Барнаул: Азбука, 2008. — 276 с.
- Шульга 2010. Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. — 238 с.
- Шульга 2015. Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. — 304 с.
- Щапова 1972. Щапова Ю.А. Стекло Киевской Руси. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 215 с.

- Щеглова 2006. Щеглова О.А. Мастера без мастерских (К реконструкции организации ювелирного дела в раннесредневековых славянских культурах Восточной Европы) // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: Материалы Междунар. тематич. науч. конф. (С.-Петербург, 18–21 дек. 2006 г.). — СПб.: Элексис Принт, 2006. — С. 98–104.
- Яценко 2006. Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. — М.: Наука, 2006. — 664 с. (Культура народов Востока. Материалы и исследования).
- Andersson 1932. Andersson J.G. Hunting Magic in the Animal Style // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. — 1932. — No. 4. — P. 221–317.
- Bunker et al. 2002. Bunker E.C., Watt J.C.Y., Zhixin Sun. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The

- Eugene V. Thaw and Other New York Collections. — N.Y.; New Haven: The Metropolitan Museum of Art, Yale University Press, 2002. — 233 p.
- Salmony 1933. Salmony A. Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo. — Paris: C.T. Loo Publisher, 1933. — 120 p.
- Tasmagambetov 2003. Tasmagambetov I. The Centaurs of the Great Steppe. The Art Culture of Ancient Nomads. — Almaty: Berel, 2003. — 336 p.
- The Warrior Queen...* 2013. The Warrior Queen and the Bronze Age of China. — Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities, 2013. — 216 p.
- Э'эрдосы цинтунци 2006. Э'эрдосы цинтунци. Мулу. [Бронзовые изделия Ордоса. Каталог]. — Э'эрдосы: Вэньу чубаньшэ. — [Ордос: Издательский дом «Культурные реликвии»], 2006. — 339 с. (на кит. яз.).

REFERENCES

- Akishev, A.K., *Iskusstvo i mifologiya sakov* [Saka Art and Mythology], Alma-Ata: Nauka Publ., 1984, 176 p., (in Russian).
- Andersson, J.G., *Hunting Magic in the Animal Style*, *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*, 1932, no. 4, pp. 221–317.
- Armbruster, B., *Predmety iuvelirnogo iskusstva* [Items of Jewelry], in: *Chugunov K.V., Partsinger G., Nagler A. Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve*, Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2017, pp. 186–201, (in Russian).
- Askarov, A., *Drevnezemel'del'cheskaia kul'tura epokhi bronzy iuga Uzbe-kistana* [Ancient Agricultural Culture of the Bronze Age of the Southern Uzbekistan], Tashkent: Fan Publ., 1977, 232 p., (in Russian).
- Avanesova, N.A., *Animalisticheskie nakhodki epokhi bronzy Zaravshan-skoi doliny* [Animalistic Finds of the Bronze Age of the Zaravshan Valley], in: *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri. K 80-letiiu Ia.A. Shera*, Kemerovo: KemGU Publ., 2011, vol. 25, pp. 111–120, (in Russian).
- Baiburin, A.K., *Semioticheskie aspekty funktsionirovaniia veshchei* [Semiotic Aspects of the Functioning of the Things], in: *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury*. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 63–88, (in Russian).
- Baiburin, A.K., *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites], St. Petersburg: Nauka Publ., 1993, 240 p., (in Russian).
- Baiburin, A.K., Levinton, G.A., *Pokhorony i svad'ba* [Funeral and Wedding], in: *Balto-slavianskie etnokul'turnye i arkheologicheskie drevnosti. Pogrebal'nyi obriad. Tezisy dokladov*, Moscow: ISB AN SSSR Publ., 1985, pp. 5–9, (in Russian).
- Beisenov, A.Z., Ismagulova, A.O., Kitov, E.P., Kitova, A.O., *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tysiacheletii do n. e.* [Population of Central Kazakhstan in the I Millennium BC], Almaty: IA im. A.Kh. Margulana Publ., 2015, 188 p., (in Russian).
- Beisenov, A.Z. (ed.), *Kazakhstan v saksuiu epokhu* [Kazakhstan in the Saka Era], Almaty: IA im. A.Kh. Margulana Publ., 2017, 228 p., (in Russian).
- Bernshtam, T.A., *Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX—nachala XX v. Polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury* [Young People in the Ritual Life of the Russian Community in the 19 — Early 20 Century. Age and Gender Aspects of Traditional Culture], Leningrad: Nauka Publ., 1988, 278 p., (in Russian).
- Bessonova, S.S., *Religioznye predstavleniia skifov* [Religious Representations of the Scythians], Kiev: Naukova dumka Publ., 1983, 138 p., (in Russian).
- Bogdanov, E.S., *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noi Azii (skifosibirskaiia khudozhestvennaia traditsiia)* [The Image

- of a Predator in the Plastic Art of the Nomadic Peoples of Central Asia (the Scythian-Siberian Art Tradition)], Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2006, 240 p., (in Russian).
- Bronnikov, A., Chugunov, K., *Sokrovishcha Doliny tsarei Tuvy* [Treasures of the Kings Valley in Tuva], Moscow; St. Petersburg; Kyzyl: Fond Kuzhugeta Shoigu Publ., 2015, 244 p., (in Russian).
- Bunker, E.C., Watt, J.C.Y., Zhixin Sun, *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections*, New York; New Haven: The Metropolitan Museum of Art; Yale University Press, 2002, 233 p.
- Bushkevich, S.P., Strakhov, A.B., Vostochnoslavianskii "krasnyi traur" po dannym fol'klora i pogrebal'noi obriadnosti [East Slavic "Red Mourning" According to Folklore and Funeral Rites], in: *Balto-slavianskie etnokul'turnye i arkeologicheskie drevnosti. Pogrebal'nyi obriad. Tezisy dokladov*, Moscow: ISB AN SSSR Publ., 1985, pp. 19–21, (in Russian).
- Cheremisin, D.V., *Iskusstvo zverinogo stilija v pogrebal'nykh kompleksakh riadovogo naseleniia pazyrykskoi kul'tury. Semantika zverinykh obrazov v kontekste pogrebal'nogo obriada* [The Art of Animal Style in the Burial Complexes of the Ordinary Population of the Pazyryk Culture: Semantics of Animal Images in the Context of the Burial Rite], Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2008, 136 p., (in Russian).
- Chugunov, K.V., Kinzhal-akinak iz kurgana Arzhan-2 [Dagger-Akinak from the Kurgan Arzhan-2], in: *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha vol. 62*, St. Petersburg: GE Publ., 2004, pp. 72–74, (in Russian).
- Chugunov, K.V., Sosud Gestii ili chasha Gerakla? (Razmyshleniia po povodu odnogo shedevra) [The Vessel of Hestia or the Cup of Hercules? (Reflections on one Masterpiece)], in: *In situ. K 85-letiiu professora A.D. Stoliara*, St. Petersburg: SPbGU Publ., 2006, pp. 200–207, (in Russian).
- Chugunov, K.V., Plity s petroglifami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k khronologii arzhano-maiemirskogo stilija) [Flagstones with Petroglyphs in the Arzhan-2 Kurgan Complex (to the Chronology of the Arzhan-Mayemirian Style)], in: *Tropoiu tysiacheletii: K iubileiu M.A. Devlet (Trudy Sibirskoi assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva vol. 4)*, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2008, pp. 53–69, (in Russian).
- Chugunov, K.V., Arzhan-1 i Arzhan-2: sravnitel'nyi analiz [Arzhan-1 and Arzhan-2: a Comparative Analysis], (Online), *Novye issledovaniia Tuvy: elektronnyi zhurnal*, 2009, no. 3, Available from http://www.tuva.asia/journal/issue_3/469-chugunov.html (Accessed 26.08.2018), (in Russian).
- Chugunov, K.V., Iskusstvo Arzhana-2: stilistika, kompozitsiia, ikonografiia, ornamental'nye motivy [Art of Arzhan-2: Style, Composition, Iconography, Ornamental Motifs], in: *Evropeiskaia Sarmatiia*, St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2011, pp. 39–60, (in Russian).
- Chugunov, K.V., Arzhan-2: rekonstruktsiia etapov funktsionirovaniia pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa i nekotorye voprosy ego khronologii [Arzhan-2: Reconstruction of the Stages of Functioning of the Funeral-Memorial Complex and some Issues of its Chronology], *Rossiiskii arkeologicheskii ezhegodnik*, 2011, no. 1, pp. 262–335, (in Russian).
- Chugunov, K.V., Zakhroneniia "zolotykh liudei" v traditsii nomadov Evrazii (novye materialy i nekotorye aspekty issledovaniia) [The Burial of "Golden People" in the Tradition of Nomads of Eurasia (New Materials and some Aspects of Research)], in: *Dialog kul'tur Evrazii v arkeologii Kazakhstana*, Astana: Saryarka Publ., 2014, pp. 714–725, (in Russian).
- Chugunov, K.V., Zolotyie oblacheniiia u nomadov Evrazii kak istochnik dlia rekonstruktsii drevnikh kul'tov [Gold Vestments and Nomads of Eurasia as a Source for the Reconstruction of Ancient Cults], in: *Aziia i Afrika v meniaiushchemsia mire. XXVIII Mezhdunarodnaia konferentsiia po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki*, St. Petersburg: SPbGU Publ., 2015, p. 354., (in Russian).
- Chugunov, K.V., Paradnye poiasa kochevnikov Azii v ranneskifskoe vremia [Ceremonial Belts of Asian Nomads in the Early Scythian Time], in: *Altai v krugu evraziiskikh drevnostei*, Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2016, pp. 336–356, (in Russian).
- Chugunov, K.V., Partsinger, G., Nagler, A. *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [The Arzhan-2 King Kurgan of the Scythian Time in Tuva], Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2017, 500 p., (in Russian).
- Chugunov, K.V., Tsari i bogi Aziatskoi Skifii (po materialam kurgana Arzhan-2) [The Kings and Gods of Asian Scythia (Based on the Arzhan-2 Kurgan)], in: *Arkeologiiia i davniiia istoriia Ukraini*, 2018, vol. 2 (27), pp. 25–34, (in Russian).
- Darkevich, V.P., *Argonavty Srednevekov'ia* [Medieval Argonauts], Moscow: Nauka Publ., 1976, 200 p., (in Russian).

- Devlet, M.A., *Petroglify na kochevoi trope* [Petroglyphs on the Nomadic Trail], Moscow: Nauka Publ., 1982, 128 p., (in Russian).
- Dovatur, A.I., Kallistov, D.I., Shishova, I.A., *Narody nashei strany v "Istorii" Gerodota* [The Peoples of our Country in the "History" of Herodotus], Moscow: Nauka Publ., 1982, 455 p., (in Russian).
- Ermolova, N.V., *Poiasa u narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Belts of the Peoples of Siberia and the Far East], in: *Ukrasheniia narodov Sibiri (Sbornik MAE, vol. 51)*, St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2006, pp. 170–301, (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G.A., *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov* [The Art of Nomads and the Golden Horde. Sketches of Culture and Art of the Eurasian Steppes and Cities of the Golden Horde], Moscow: Iskusstvo Publ., 1976, 228 p., (in Russian).
- Fialko, E.E., *Nagaika iz Berdianskogo kurgana* [Lash from the Berdyansk Kurgan], in: *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma, Zaporozh'e*, 1993, vol. 4, pp. 197–200, (in Russian).
- Frezer, D.D., *Zolotaia vetv': Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion], Moscow: Politizdat Publ., 1983, 703 p., (in Russian).
- Galanina, L.K., *Kelermesskie kurgany. "Tsarskie" pogrebeniia ranne-skifskoi epokhi* [Kelermes Mounds. "Royal" Burials of the Early Scythian Era], Moscow: IVI RAN; GAI EO Publ., 1997, 269 p., (in Russian).
- Gemuev, I.N. (ed.), *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir* [The Traditional Worldview of the Türks of Southern Siberia. Space and Time. The World of Things], Novosibirsk: Nauka Publ., 1988, 225 p., (in Russian).
- Gennep A., *Obriady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov* [Rites of Passage. Systematic Study of Rites], Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 1999, 198 p., (in Russian).
- Godekhardt, E., Shellenberg, Kh.M., *Luki skifskogo vremeni* [The Bows of the Scythian Time], in: *Chugunov K.V., Partsinger G., Nagler A. Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve*, Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2017, pp. 220–232, (in Russian).
- Griaznov, M.P., *Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni* [Arzhan. Royal Mound of the Early Scythian Time], Leningrad: Nauka Publ., 1980, 62 p., (in Russian).
- Iatsenko, S.A., *Kostium drevnei Evrazii: iranoiazychnye narody* [Costume of Ancient Eurasia: Iranian-speaking Peoples], Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2006, 664 p., (in Russian).
- Kisel', V.A., *Shedevry iuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov* [Masterpieces of Jewelers of the Ancient East from Scythian Burial Mounds], St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003, 192 p., (in Russian).
- Kisel', V.A., *Ritual'nye sosudy i napitki skifov* [Ritual Vessels and Drinks of the Scythians], in: *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e*, St. Petersburg: GE Publ., 2003, vol. II, pp. 57–63, (in Russian).
- Kisel', V.A., *Rasskaz Gerodota i ritual'nye sosudy drevnikh kochevnikov* [The Story of Herodotus and the Ritual Vessels of the Ancient Nomads], *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2007, no. 3 (31), pp. 69–79, (in Russian).
- Kisel', V.A., *O kul'te konskogo bozhestva u drevnikh kochevnikov* [On the Cult of the Horse Deity Among the Ancient Nomads], in: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Evrazii (Arkheologicheskii sbornik GE, vol. 39)*, St. Petersburg: GE Publ., 2013, pp. 31–39, (in Russian).
- Kisel', V.A., *Arzhanskaia pektoral': proiskhozhdenie, stilistika, simbolika* [Arzhanskaya Pectoral: Origin, Style, Symbolism], in: *"I muzoiu ego byla nauka": Sbornik pamiati V.A. Koreniako*, Azov: Azovskii muzei-zapovednik Publ., 2017, pp. 115–126, (in Russian).
- Kisel', V.A., *Veshchi "tsarskoi" chety iz kurgana Arzhan-2 v Tuve (stilistika i avtorstvo)* [Things of the "Royal" Couple from the Mound Arzhan-2 in Tuva (Style and Authorship)], in: *Muzhskoi i zhenskii mir v otrazhenii arkheologii*, Ufa: IYL UFITs RAN Publ., 2018, pp. 139–145, (in Russian).
- Kisel', V.A., *Zhenskii ritual'nyi kostium v drevnei kochevoi kul'ture Tuvy* [Women's Ritual Costume in the Ancient Nomadic Culture of Tuva], in: *Pamiatniki arkheologii v issledovaniakh i fotografiakh (pamiati Galiny Vatslavny Dluzhnevskoi)*, St. Petersburg: IIMK RAN Publ., 2018, pp. 120–127, (in Russian).
- Kononov, A.V., *Kruchenaia plet', letaiushchii kobyz, razorvannyi kostium i raskalennyi metall (o "material'nykh" elementakh shamanskoi kul'tury kazakhov)* [Twist Whip, Flying Kobyz, Torn Costume and Hot Metal (About the "Material" Elements of the Shaman Culture of the Kazakhs)], in: *Evraziia skvoz' veka*, St. Petersburg: SPbGU Publ., 2001, pp. 232–233, (in Russian).
- Korol'kova, E.F., *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizh-nego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII–IV vv. do n. e.). Problemy stil'ia i*

- etnokul'turnoi prinadlezhnosti* [Eurasian Animal Style. The Art of the Tribes of the Lower Volga Region and the Southern Urals in the Scythian Era (7–4 Centuries BC). Problems of Style and Ethno-cultural Identity], St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006, 272 p., (in Russian).
- Kotov, V.G., Ismagil, R., Kosmos kazak-kocherdykского akinaka: k voprosu o simvolicheskom statuse oruzhiia u skifov v skifo-sakskoi nomadologii [Cosmos of the Cossack-Kocherdyk Akinak: on the Issue of the Symbolic Status of Weapons Among the Scythians in the Scythian-Saka Nomadology], in: *Arii stepei Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepiakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriiakh: Sbornik pamiati E.E. Kuz'minoi*, Barnaul: AltGU Publ., 2014, pp. 488–497, (in Russian).
- Kovalev, A.A., O proiskhozhdenii kul'tury olennykh kamney [On the Origin of the Deer Stone Culture], in: *Evraziya skvoz' veka*, St. Petersburg: SPbGU Publ., 2001, pp. 160–166, (in Russian).
- Kubarev, G.V., *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [Culture of the Ancient Turks of the Altai (According to the Materials of the Funeral Monuments)], Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2005, 400 p., (in Russian).
- Kullanda, S.V., Skifskie varny [Scythian Varna], *Arheologicheskie vesti*, 2014, vol. 20, pp. 318–321, (in Russian).
- Litvinskii, B.A., “Zolotyie liudi” v drevnikh pogrebeniakh Tsentral'noi Azii (opyt istolkovaniia v svete istorii religii) [“Golden People” in Ancient Burials of Central Asia (the Experience of Interpretation in the Light of the History of Religion)], *Sovetskaia etnografiia*, 1982, no. 4, pp. 34–43, (in Russian).
- Machinskii, D.A., Pektoral' iz Tolstoi Mogily i velikie zhenskii bozhestva Skifii [Pectoral from Tolstoy Graves and the Great Female Deities of Scythia], in: *Kul'tura Vostoka. Drevnost' i rannee srednevekov'e*, Leningrad: Avrora Publ., 1978, pp. 131–150, (in Russian).
- Marshak, B.I., *Istoriia vostochnoi toreutiki III–XIII vv. i problemy kul'turnoi preemstvennosti* [History of Eastern Toreutics of the 3–8 Centuries and Problems of Cultural Continuity], St. Petersburg: Akademiia issledovaniia kul'tury Publ., 2017, 736 p., (in Russian).
- Maslova, G.S., *Narodnaia odezhda v vostochnoslavianskikh traditsionnykh obychaiakh i obriadakh XIX — nachala XX v.* [Folk Clothing in the East Slavic Traditional Customs and Rituals of the 19 — the Beginning of the 20 Century], Moscow: Nauka Publ., 1984, 216 p., (in Russian).
- Minasian, R.S., Sekrety skifskikh iuvelirov [Secrets of Scythian Jewelers], in: *Arzhan. Istochnik v Doline tsarei*, St. Petersburg: Slavii Publ., 2004, pp. 40–44, (in Russian).
- Minasian, R.S., *Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e* [Metalworking in Antiquity and the Middle Ages], St. Petersburg: GE Publ., 2014, 472 p., (in Russian).
- Minasian, R.S., Rannie skifskie i sarmatskie zheleznye akinaki (VII–V vv. do n. e.) [Early Scythian and Sarmatian Iron Akinaki (7–5 Centuries BC)], in: *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkhologii*, Orenburg: OGPU Publ., 2016, pp. 178–183, (in Russian).
- Miniaev, S.S., K interpretatsii nekotorykh izobrazhenii na olennykh kamniakh [To the Interpretation of Some Images on Deer Stones], in: *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami*, St. Petersburg: IIMK RAN; Periferiia Publ., 2012, vol. 1, pp. 262–267, (in Russian).
- Mironova, L.N., Semantika tsveta v evoliutsii psikhiki cheloveka [Color Semantics in the Evolution of the Human Psyche], in: *Problema tsveta v psikhologii*, Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 172–188, (in Russian).
- Musselius, V.R., Olovo [Tin], in: *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*, St. Petersburg: Tipo-Litografiia I.A. Efrona Publ., 1897, vol. 42, pp. 893–896, (in Russian).
- Partinger, G., Elitnyi skifskii kurgan Arzhan-2 v Tuve: itogi izucheniia [Elite Scythian Kurgan Arzhan-2 in Tuva: the Results of the Study], in: *Chugunov K.V., Partinger G., Nagler A. Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve*, Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2017, pp. 302–326, (in Russian).
- Pavlińskaia, L.R., Nabornye poiasa v kul'turakh Sibiri serediny XIX — nachala XX v. [Inlaid Belts in the Cultures of Siberia in the Middle of the 19 — Beginning of the 20 Centuries], in: *Ukrasheniia narodov Sibiri (Sbornik MAE, vol. 51)*, St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2006, vol. 51, pp. 302–341, (in Russian).
- Perevodchikova, E.V., O razlichnykh formakh dialoga iskusstva stepi i tsivilizatsii: k postanovke voprosa [On the Various Forms of Dialogue Art Steppe and Civilization: to the Question], *Stratum plus*, 2009, no. 3, pp. 155–161, (in Russian).
- Perevodchikova, E.V., Skifskii zverinyi stil' Evropy i Kitai: nekotorye osobennosti dialoga [Scythian Animal Style

- of Europe and the China: some Features of the Dialogue], in: *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï*, Barnaul: AltGU Publ., 2011, vol. 6, pp. 137–142, (in Russian).
- Perevodchikova, E.V., K khronologii ranneskifskogo zverinogo stilia Iuzhnogo Urala [To the Chronology of the Early Scythian Animal Style of the Southern Urals], in: *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale*, Cheliabinsk: ChGKM Publ., 2015, pp. 236–239, (in Russian).
- Podol'skii, M.L., *Zver', kotoryi byl sam po sebe, ili Fenomenologiya skifskogo zverinogo stilia* [The Beast, which was in Itself, or the Phenomenology of the Scythian Animal Style], St. Petersburg: ElekSis Publ., 2010, 192 p., (in Russian).
- Pozdniakov, D.V., Rekonstruktsiia odezhdy [Clothing Reconstruction], in: *Chugunov K.V., Partsinger G., Nagler A. Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve*, Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2017, pp. 215–220, (in Russian).
- Radenkovich, L., Simvolika tsveta v slavianskikh zagovorakh [Symbolism of Color in the Slavic Conspiracies], in: *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Rekonstruktsiia drevnei slavianskoi kul'tury: istochniki i metody*, Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 122–148, (in Russian).
- Raevskii, D.S., *Mir skifskoi kul'tury* [World of Scythian Culture], Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, 600 p., (in Russian).
- Rudenko, S.I., *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia* [Culture of the Population of Gorny Altai in Scythian Time], Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1953, 402 p., (in Russian).
- Rudenko, S.I., *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia* [Culture of the Population of Central Altai in the Scythian Time], Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1960, 359 p., (in Russian).
- Rudenko, S.I., *Sibirskaiia kollektsiia Petra I* [Siberian Collection of Peter the Great], Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1962, 52 p., (in Russian).
- Salmony, A., *Sino-Siberian Art in the Collection of C.T. Loo*, Paris: C.T. Loo. Publisher, 1933, 120 p.
- Sarianidi, V.I., *Drevnie zemledel'tsy Afganistana* [The Ancient Farmers of Afghanistan], Moscow: Nauka Publ., 1977, 171 p., (in Russian).
- Savinov, D.G., Nuklearnoe iskusstvo zverinogo stilia [The Nuclear Art of Animal Style], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 2017, vol. 247, pp. 28–49, (in Russian).
- Savvinov, A.I., *Traditsionnye metallicheskie ukrasheniia iakutov: XIX — nachalo XX veka: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Traditional Metal Decorations of the Yakuts: 19 — Early Twentieth Century: Historical and Ethnographic Research], Novosibirsk: Nauka Publ., 2001, 171 p., (in Russian).
- Sedakova, O.A., *Poetika obriada. Pogrebal'naia obriadnost' vostochnykh i iuzhnykh slavian* [Poetics of the Rite. Funeral Rites of the Eastern and Southern Slavs], Moscow: Indrik Publ., 2004, 320 p., (in Russian).
- Semenov, V.I.A., Sypuchii Iar — mogil'nik aldy-bel'skoi kul'tury v Tuve [Sypuchiy Iar — the Burial Ground of Aldy-Bel Culture in Tuva], in: *Evraziia skvoz' veka*, St. Petersburg: SPbGU Publ., 2001, pp. 167–172, (in Russian).
- Serebriakova, M.N., O znakovoi funktsii narodnogo kostiuma (na primere kostiuma nevesty chepni v Turtsii) [On the Sign Function of the National Costume (on the Example of the Bride's Costume of the Chepni in Turkey)], in: *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury*, Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 154–175, (in Russian).
- Shastina, N.P. (ed.), *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Journey to Eastern Countries of Plano Karpini and Rubruka], Moscow: GIGL Publ., 1957, 271 p., (in Russian).
- Shchapova, Iu.A., *Steklo Kievskoi Rusi* [Glass of Kievan Rus], Moscow: MGU Publ., 1972, 215 p., (in Russian).
- Shcheglova, O.A., Mastera bez masterskikh (K rekonstruktsii organizatsii iuvelirnogo dela v rannesrednevekovykh slavianskikh kul'turakh Vostochnoi Evropy) [Masters Without Workshops (To the Reconstruction of the Organization of Jewelry in the Early Medieval Slavic Cultures of Eastern Europe)], in: *Proizvodstvennye tsenry: istochniki, "dorogi", areal rasprostraneniia*, St. Petersburg: ElekSis Print Publ., 2006, pp. 98–104, (in Russian).
- Sher, Ia.A., *Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii* [Petroglyphs of Central Asia], Moscow: Nauka Publ., 1980, 328 p., (in Russian).
- Shilov, S.N., Ismagil, R., Kotov, V.G., Bannikov, A.L., Unikal'nyi bronzovyi kinzhal iz Kazak-Kocherdyka (Kurganskaia oblast'): tipologiya i semantika [Unique Bronze Dagger from Kazak-Kocherdyk (Kurgan Region): Typology and Semantics], *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 2003, vol. 4, pp. 163–198., (in Russian).
- Shul'ga, P.I., *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiiasa na Altae. Chast' I: Ranneskifskoe vremia* [Equipment Riding Horses and Military Belts in the Altai. Early Part I. Scythian Time], Barnaul: Azbuka Publ., 2008, 276 p., (in Russian).

- Shul'ga, P.I., *Sin'tszian v VIII–III vv. do n. e. (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya)* [Xinjiang in 8–3 Centuries BC (Funerary Complexes. Chronology and Periodization)], Barnaul: AltGTU Publ., 2010, 238 p., (in Russian).
- Shul'ga, P.I., *Mogil'nik Iuikhuanyiao v Severnom Kitae (VII–VI veka do nashei ery)* [Yuhuangmyao Cemetery in Northern China (7–6 Century BC)], Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2015, 304 p., (in Russian).
- Smirnov, N.Iu., Na chem ezdil arzhanskii “tsar”? [What Drove Arzhan “King”?], in: *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami*, St. Petersburg: IIMK RAN; Periferiya Publ., 2012, vol. 2, pp. 424–432, (in Russian).
- Tairov, A.D., Rannesakskie boevye poiasa [Early Saka Combat Belts], *Rossiiskaia arkheologiya*, 2004, no. 1, pp. 140–145, (in Russian).
- Tairov, A.D., Botalov, S.G., Pogrebenie sakskogo vremeni mogil'nika Kichigino I v Iuzhnom Zaurale [The Burial of the Saka Time of the Kichigino in the Southern Urals], in: *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii*, Moscow: TAUS Publ., 2010, pp. 339–354, (in Russian).
- Tasmagambetov, I., *The Centaurs of the Great Steppe. The Art Culture of Ancient Nomads*, Almaty: Berel Publ., 2003, 336 p.
- Terner, V., *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual], Moscow: Nauka Publ., 1983, 277 p., (in Russian).
- Toporov, V.N., *Mifologiya: Stat'i dlia mifologicheskikh entsiklopedii. T. 2* [Mythology: Articles for the Mythological Encyclopedia, vol. 2], Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2014, 536 p., (in Russian).
- Usmanova, E.R., Logvin, V.N., *Zhenskie nakosnye ukrasheniia Kazakhstana (epokha bronzy)* [Women's Tress Decorations of Kazakhstan (Epoch of Bronze)], Lisakovsk, 1998, 64 p., (in Russian).
- Vainshtein, S.I., Pamiatniki kyzylganskoi kul'tury [The Objects of the Kyzylgan Culture], in: *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966, vol. 2, pp. 143–184, (in Russian).
- Van Pen, *Vzaimodeistvie kul'tur bronzovogo i rannego zheleznogo veka Iuzhnoi Sibiri, Sin'tsziana i Severnogo Kitaia* [The Interaction of Cultures of the Bronze and Early Iron Age of South Siberia, Xinjiang and Northern China], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya*, 2018, vol. 14, no. 4, pp. 16–29, (in Russian).
- Varenov, A.V., O tochnom datirovanii izobrazhenii tigrov v gorakh Khelan'shan' i oleniakh v “stile olennykh kamnei” [Accurately Dating the Tigers in Hellandshan Mountains and Reindeer in the Deer Stones Style], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya*, 2018, vol. 14, no. 4, p. 30–39, (in Russian).
- Vedianin, S.D., Kungurov, A.L., Gruntovyi mogil'nik staro-aleiskoi kul'tury Obskie Plesy 2 [Flat-grave burial ground Obskie Plesy 2 of the Staro-Aley Culture], in: *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia*, Barnaul: AltGU Publ., 1986, p. 88–114, (in Russian).
- Vishnevskaya, O.A., *Kul'tura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n. e. Po materialam Uigaraka* [The Culture of the Sak Tribes of the Lower Reaches of the Syr-Darya in the 7–5 Centuries BC. According to Uygarak], Moscow: Nauka Publ., 1973, 160 p., (in Russian).
- Vladimirtsov, B.Ia. (ed.), *Mongol'sko-oiratskii geroicheskii epos* [Mongol-Oirat Heroic Epic], St. Petersburg; Moscow: Vsemirnaia literatura Publ., 1923, 255 p., (in Russian).
- Zasetskaia, I.P., *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskii klad* [Treasure Mound Hohlach. Novocherkassk Treasure], St. Petersburg: GE Publ., 2011, 328 p., (in Russian).
- Zavitukhina, M.P., *Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremia. Publikatsiya odnoi kolleksii* [Ancient Art on the Yenisei. Scythian Time. Publish a Single Collection], Leningrad: Iskusstvo Publ., 1983, 191 p., (in Russian).